

Библиотека Приенисейского Краеведа.
(Под редакцией В. А. Смирнова и В. П. Косованова).

9(57)
950

№ 13—14.

В. А. СМИРНОВ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

==== Приенисейского Края. =====

Часть 2-я.

(Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в 19 веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в 19 веке).

ИЗДАНИЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ ПРИ
СРЕДНЕ-СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕ РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Цена 50 коп.

Ч 82

Красноярск, 1928 года.

Исторический очерк Приенисейского края часть 2-я.

Первая часть „Очерка“ (Библиотека Приен. Краеведа № 12) рассматривает основные вопросы истории края в 17 и 18 в. Настоящий выпуск охватывает период от учреждения Енисейской губернии до революции, и на этом изложение заканчивается, т. к. революционное время, это уже современность, а не прошлое, и явления, получившие свое яркое выражение в 1917 и последующих годах, продолжают развиваться на наших глазах и изучаются в остальных книжках „Библиотеки“. Вопросам революционного движения в крае посвящается особый (27) выпуск, и поэтому в настоящей книжке они опущены.

Общий взгляд на историю 19 века в Приенисейском крае.

В 19 столетии Енисейский край занимает совершенно иное положение в общем хозяйстве государства, чем за два предшествующих века.

Ранее при сравнительно небольших размерах русской торговли вообще сибирские товары, а в частности наша пушнина играли в этой торговле громадную роль, а развившаяся в 18 веке торговля с Китаем открытая и контрабандная давала Сибири большие средства и связывала общими интересами российскую и сибирскую буржуазию. В результате в 18 веке Енисейск был одним из крупнейших городов всего государства, его ярмарка славилась по всей России, привлекала много торговых людей со всей России и содействовала образованию крупных местных капиталов. И как раз через наш край и проходила большая дорога тогдашней крупной восточной торговли.

К началу 19 века вся обстановка меняется. С одной стороны основной местный товар—пушнина—начинает оскудевать, китайская торговля теряет свое прежнее значение, а с другой развивается торговля через порты Балтийского и Черного морей и в размерах во много раз больших торговли сибирской. В результате в 19 веке Сибирь начинает и довольно быстро экономически отставать от России Европейской. В то время как на западе от Урала складывается мощный торговый капитал и с каждым десятилетием становится все ощущительнее сила капитала промышленного, с которым вынуждены считаться и господствующий класс—дворянство, и правительство, Сибирь остается при самых примитивных формах хозяйства, и земледелие в ней играет решительно преобладающую роль. Хозяйство остается в стадии хищнического использования природных богатств, все время уменьшающихся, прирост населения невелик и плотность населения в нашем крае даже к концу столетия поднимается даже в южных округах только до 2 человек на кв. километр, а при незначительности местного рынка промышленность должна была быть слабой и технически отсталой, городское население и немногочисленно, и состояло либо из чиновников, либо из мещан, занимавшихся земледелием и мелкими промыслами. А экономическая отсталость должна была скрываться во всех областях общественной жизни. Даже золотопромышленность с ее азартом, колоссальными доходами и вызванным

ею потрясением в хозяйственной сфере не могла изменить этого положения. И только проведение железной дороги, положившее конец изолированности края, создало условия, при которых отсталость экономическая и культурная могли изживаться.

Основными пособиями при составлении „Очерка“ были:

Основные пособия. 1) Латкин Енисейская губерния 1890. 2) Степанов Енисейская губерния 2 т. 3) Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний т. 4. 4) Волости и населенные места 1893 г. Енисейская губерния. 1895. 5) Колонизация Сибири в связи с переселенческим вопросом. 1900 г. 6) Кривошапкин Енисейский округ и его жизнь. 7) Ярилов Кызыльцы и их хозяйство, его же Мелецкие инородцы. 8) Богданов Инородческое земледелие на юге Енисейской губернии. 1915 г. 9) Козьмин Материалы для определения зем. норм скотов. населения Минусинского края („Сиб. Записки“ 1918 г. № 1). 10) Справочник Ен. ГСНХ на 1923 г. 11) Вагин Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири. 12) Семевский Рабочие на сибирских золотых промыслах 2 т. 1898 г.

Гл. 6-я. Сперанский и образование Енисейской губернии. Неудовлетворительность прежнего административного устройства Сибири и возникшие отсюда злоупотребления вызвали ревизию всех сибирских дел и ревизором был назначен М. М. Сперанский.

Несмотря на всю мягкость, с которой Сперанский действовал, стараясь более возместить населению причиненный злоупотреблениями ущерб, чем обязательно карать виновных, ему все же пришлось отстранить от службы и отдать под суд целый ряд лиц, начиная с Иркутского губернатора, слишком уж запятнавшего себя лихоимством и насилиями.

Однако в Енисейском крае дело обстояло сравнительно благополучно и особенных злоупотреблений не было, так что только три лица были уволены от службы, а остальным замеченным были только сделаны внушения.

Вслед за этим было преобразовано и все управление Сибирию. Прежде всего Сибирь была разделена на Западную и Восточную. Затем размеры губерний были уменьшены и образовано несколько новых областей, в том числе и наша Енисейская, составившаяся из Туруханского края и Енисейского уезда Тобольской, Красноярского и части Кузнецкого уездов Томской губернии и западной части Иркутской губернии.

Основной мыслью, послужившей к учреждению этой новой губернии, было во 1-х основать административное деление на природных и хозяйственных условиях края и во 2-х приблизить власть к населению, чтобы она могла знать все потребности и нужды своего края. При этом ей были даны широкие возможности, чтобы она в пределах закона и под контролем высшей власти могла разрешать большую часть возникающих на месте дел и этим избавить население от прежней канцелярской волокиты. Поэтому при разделении Сибири на Западную, об'единяемую бассейном р. Оби и обращенную к западу и Восточную, отличную по природе и имеющую экономическое тяготение

тение к юго-востоку, Приенисейский край, отделенный горным хребтом Алатау и его продолжениями на севере от Западной Сибири *) и экономически связанный с Иркутском и Кяхтой, был целиком отнесен к Восточной Сибири. Поэтому же в отличие от прочих Сибирских губерний Енисейская протянулась с юга на север от Саянских гор вплоть до Ледовитого океана: основным стержнем ее явилась река Енисей, связывающая южные земледельческие и скотоводческие районы с богатым пушниною и рыбой севером, и представляющая основной естественный и великолепный путь для сообщений. „Имя ей сообщено по великой реке, протекающей из конца в конец во всю длину ея“ (Степанов т. I, 111). С другой стороны все верхнее течение р. Чулым до Ячинска и земли по Абакану, состоявшие ранее в Кузнецком уезде, также были отнесены к Енисейской губернии ввиду крайней затруднительности сообщений этих земель с Кузнецком и Томском и экономических связей с Красноярском и напротив, небольшая западная часть Красноярского уезда, а именно богатые хлебом с. Боготол и окружающие деревни с общим населением около 3000 человек, были отчислены к Томской губернии по соображениям экономическим. Таким же образом на востоке были от Иркутской губернии переданы в Енисейскую земли от Кана до Бирюсы, как можно думать потому, что они принадлежали к Красноярскому району колонизации и отделялись от заселенных районов Нижнеудинского, Балаганского и Иркутского уездов громадными незаселенными пространствами.

Таким образом Енисейская губерния уже с самого начала представляла одно и географическое и хозяйственное целое, определенно ограниченное от губерний соседних.

Однако при громадности территории, включавшей $2\frac{1}{4}$ милл. кв верст, и разнообразии природных и хозяйственных условий необходимо было подразделить край на меньшие районы для удобства управления.

В это время в Енисейской губернии числилось по данным Вагина (т. II, 687) населения:

	Русских	Инородцев	ВСЕГО
В Туруханск. уезде	1459 (24%)	5037 (76%)	6494
„ Енисейск. „	36626 (94,5%)	2078 (5,5%)	38694
„ Красноярск. „	76539 (84,3%)	14287 (15,7%)	90826
Всего .	114624	21380	136004

*) Чулым выше Ячинска не играл никакой роли в торговле Сибири, а ниже играл роль малую, только сплавом, и сообщение Томска с Енисейским и Красноярским производилось сухим путем.

Из них отчислено к Томской губернии 3000 слишком, напротив от Кузнецкого уезда причислено в области Абакана 3654 и от Нижнеудинского уезда 2926 душ.

Таким образом при образовании губернии в нее вошло по официальным данным до 140000 населения. Это население было разделено на 5 округов (Ачинский, Енисейский, Канский, Красноярский и Минусинский), причем Туруханский край образовал особый район, подчиненный Енисейскому. При этом Красноярский уезд был разделен теперь на 4 округа, и оказался уже не южным, а центральным округом края. За недостатком городов центрами трех округов сделаны были села Канское и Минусинское и заштатный город Ачинск, хотя, конечно, одно переименование еще не могло изменить жизни населения и эти три городка вплоть до 90 годов сохраняли свой сельский, земледельческий характер. Губернским центром был сделан Красноярск, как центральный пункт края, расположенный на Сибирском тракте и имевший сравнительно с другими значительные торговые обороты со всем югом губернии. Енисейск, хотя он был значительно населеннее и несравненно богаче Красноярска, остался только окружным городом, потому что к этому времени он уже терял прежнее значение в связи с ростом Ирбитской ярмарки, усилившим движение по почтовому тракту и отливом массы населения на юг. И это впечатление прошлого величия он производил уже на первого губернатора. Напротив Красноярск с приездом губернатора и чиновников губернского управления *) и переводом сюда гарнизонного батальона значительно переменил свой внешний вид: увеличилось число построек, появились новые слободы (солдатская, казачья, еврейская), дома обшились тесом и покрасились, пустыри загорожены были заплотами, устроен городской сад, проведены тротуары, на улицах поставлены фонари и в городе водворена полная безопасность.

Гл. 7-я. Колонизация и § 1. Взгляд правительства и общества на население в XIX веке. Сибирь в 19-го веке. Со времени Сперанского взгляда на Сибирь значительно меняется. Правительство перестает смотреть на заселение ее только как на средство облегчить использование ее естественных богатств в интересах всего государства и прежде всего казны и начинает проявлять заботу о нуждах самого края. Поэтому вместо исключительного господства принципа государственной необходимости теперь все чаще и сильнее проявляется и поддерживается мотив интересов населения. Уже Сперанский обращал внимание на необходимость организации добровольного переселения в целях колонизации этого малолюдного края и для доставления изобилия крестьянам малоземельных российских губерний, доказывая — и совершенно правильно — что "для старожилов приток переселенцев не составит утеснения, а напротив облегчит им исполнение повинностей, и добавляя, что колонизация края ссыльными результатов не дает, так как ввиду отрицательного отношения старожилов к ссыльным и незначительности числа ссылаемых женщин, только не-

*) См. наш „Краткий обзор истории Красноярска за 300 лет“ — Известия Красн. О. Р. Г. О. т. III в. I).

многие из этих невольных колонистов могут обзавестись хозяйством, а остальные, „оставаясь в работниках и ведя вообще холостую жизнь, редко оставляют по себе потомство“. В результате согласно предложения Сперанского был издан указ о разрешении государственным крестьянам переселения в Сибирь с правом посылки ходоков и была сделана попытка выяснить количество свободных земель в Сибири. И с учреждением министерства государственных имуществ на Сибирь было распространено действие общего переселенческого закона, предоставлявшего ряд льгот и пособий переселенцам, шедшим с разрешения правительства. Местом водворения колонистов была назначена наряду с Тобольской и Томской губерниями и Енисейская. Однако после отставки министра Киселева восстановилось отрицательное отношение к переселениям и в дальнейшем в законодательстве по переселенческим делам все время сказывалась борьба двух противоположных направлений—боязнь растущего малоземелья и связанных с ним волнений склоняла к поддержке переселения в Сибирь,—боязнь чрезвычайного увеличения переселений и вздорожания рабочих рук в местах выхода заставляла им противодействовать, и только с учреждением комитета Сибирской желдороги была твердо принята мысль, что переселения бояться не следует и что заселение Сибири является основою ее общего экономического развития.

§ 2. Колонизация правительственная. В зависимости от взгляда правительства на Сибирь и ея заселение шла и колонизация края мерами и распоряжениями правительства. Как материалом для колонизации правительство пользовалось ссыльными, штрафными солдатами и наконец государственными крестьянами.

Прежде всего продолжалось движение разного рода ссыльных. После того как в начале 19 века был заселен ссыльным элементом ряд деревень и станков вдоль большого Московского тракта и тракта на Туруханск, в 20-х годах было устроено в Енисейской губернии 23 так называемых „казенные поселения“, 15 в Канском округе, 6 в Минусинском и 2 в Ачинском. Расчитаны они были на 6000 ссыльных, водворено же было 5955 душ мужского пола и через 10 лет было 5952 муж. пола и 3855 жен. пола. Для поселений были отведены прекрасные земли, но положение колоний долго оставалось жалким, так как местное старожильческое население склонялось от сближения с ссыльными и отказывалось выдавать за них замуж своих девиц, женщин ссыпалось на поселение слишком мало сравнительно с числом мужчин и поэтому колонисты должны были в большинстве случаев вести свое хозяйство без женского труда, что представлялось в высшей степени затруднительным. С этим пробовали уладиться тем, что холостых колонистов селили в одном доме по 4 человека, с тем чтобы они сообща вели общее хозяйство под присмотром и по указанию начальства. Такое постоянное вмешательство в жизнь колонии начальства окончательно способствовало тому, что хозяйство в колониях шло плохо, а многие просто бежали. Только после уравнения их с крестьянами в 1842 г. некоторые поселения достигли благосостояния. Поэтому в дальнейшем ссыльные уже приписывались к старожильческим селениям и особых сельских обществ не образовывали. Но и при таком условии колонизационное значение ссыпки

было очень не велико. Так по данным обследования 1889 года число ссыльных в Енисейской губернии как будто бы почти непрерывно возрастало с 12219 в 1823 г. до 62167, т. е. до 16 проц. всего населения края. Но в тоже самое время оказалось, что ежегодно ссылка в 1888—92 г. давала губернию по 1974 человека, а в среднем годовой прирост был только 775 человек, или иначе говоря, 63 проц. или почти две трети ежегодно исчезали. Проверка же всего ссыльного населения края выяснила, что из 62167 чел. ссыльных значившихся по спискам, в действительности в местах приписки состояло только 14575 человек и находилось в отлучке по билетам 7576 душ, остальные же 40006 человек только числились по книгам, при чем многие числились по двум волостям, некоторые умерли, прочие были в бегах по 60 и более лет. Но даже и из оставшихся на месте 22 тыс. только 13209 человек имели свое хозяйство, при том с очень малым составом семьи 2, 3, 4 человека, тогда как новоселы крестьяне имели в среднем 5,5 человек, а 9 тысяч не смогли иначе устроиться, как батраками в чужом хозяйстве или рабочими на золотые прииски. Даже второе поколение ссыльных (дети поселенцев) было немногочисленно и имело всего 7446 хозяйств, т. е. менее чем поселенцы, хотя по численности и превышало (36761 чел. при средней величине семьи 4,9 душ).

Несколько особняком стоит ссылка воинских чинов. В 1858 г. для увеличения численности казаков в Сибири, и в частности в Енисейской губернии и с целью освобождения войск Европейской России от порочных элементов стали ссылать в Сибирь опороченных по службе солдат с их семьями и селить особыми станицами с перечислением в казаки. Так образовались станицы Тинская, Иннокентьевская Канского у., Алтайская Минусинского у. и Белоярская Ачинского у., а в Красноярском Тенгина и Нижне-Есаульская, а часть причислена к 15 другим станицам. Всего в 1890 г. их значилось 461 хозяйство или менее 1 проц. Очевидно этот последний источник значения не имел и действие его было почти случайным.

В общей сложности принудительная колонизация была очень хлопотливым и неприятным делом, стоила очень дорого и правительству, и ссыльным и давала большей частью очень слабый в колонизационном и хозяйственном отношениях элемент, хотя и заметный численно.

Совершенно иначе обстояло дело с переселением государственных крестьян. Вполне естественно, что большая часть переселенческой волны не докатывалась до берегов Енисея. Во всяком случае движение государственных крестьян по вызову и с пособием от министерства началось в Енисейскую губернию в 1852 г., и к 1855 г. по отчету Енисейского губернатора было уже водворено 795 семей выходцев из Вятской и Пермской губерний, близких по естественным условиям к новому месту жительства переселенцев. В 1856 г. пришло из тех же губерний и Орловской 799 семей, а всего с 1852 года по 1858 г. водворено было крестьян 5982 души мужского пола, с соответственным количеством женского. Переселение шло отдельными группами по мере приведения в известность пригодных для заселения земель. Благодаря запасу земель и предоставленным льготам гро-

мадное большинство этих переселенцев достигло полного благосостояния. С 1858 по 1866 г. переселение государственных крестьян в Енисейскую губ. продолжалось хотя и в небольших размерах, даже и после прекращения вызовов переселенцев в Западную Сибирь, так как основным мотивом правительственной колонизации губернии было усиление крестьянского элемента для создания перевеса над иностранными и ссыльными, и всего до 1866 г. отдельных переселенческих партий прошло до 69, что вместе с переселенцами 50-х годов составляло свыше 9000 душ обоего пола. Эти группы направлялись преимущественно в Минусинский край (57 партий), который представлялся по своим природным условиям наиболее пригодным для земледелия и отчасти Ачинский (7 партий) как наиболее близкий.

Приведенные цифры показывают, что эта категория правительственной колонизации, несмотря на малую продолжительность действия, дала краю кое-что, хотя отразилась почти целиком на одном южном округе губернии, мало затрагивая всю остальную ея территорию.

§ 3. *Колонизация вольная*. Гораздо большее значения для Приенисейского края имела колонизация вольнонародная. Правда о движении беглых помещичьих крестьян почти уже не слышно, но стремление крестьян в Сибирь развивалось и помимо этого. Колонизационное движение развивалось в двух направлениях: с одной стороны путем притока извне, из России или Западной Сибири, с другой путем передвижения крестьян из других округов или других селений того же округа, не довольных условиями жизни на старом месте.

Для колонизации, идущей с запада, у нас нет точных данных до 1885 года, но мы знаем, что народная тяга в Сибирь никогда не прекрывалась и временами на все 100 проц. становилась предпринятой без разрешения и даже без ведома правительства. Однако обследование 1889—1890 г.г. дало для Енисейской губернии без Енисейского уезда 11315 семей новоселов, причем из них 4604 определенно значится „из дальних местностей“ и 6711 из других селений того же округа. Цифры эти несомненно ниже действительности, так как они не включают старых переселенцев, уже успевших слиться с старожилами, а с другой стороны приходя на новые места переселенцы нередко переменяли место оседлости и таким образом могли пройти по второй категории. К тому же эти данные охватывают только конец нашего периода и не включают данных о предшествующем полустолетии, также как и пятилетия последующего. Принимая для первой эпохи приток переселенцев в половинном размере против 1865—1890 г.г. т. е. 500 душ обоего пола, вместо 1016 и для последующего пятилетия по 1000, получаем помимо естественного размножения число лиц, прибывших в край из дальних местностей минимально 52000 или шестую всего населения края вообще. И это заставляет не соглашаться со старым мнением о „весома скромном значении переселения“.

При этом однако отдельные местности заселялись не с одинаковой быстротой: в Енисейский округ вольные переселенцы не шли совсем, Красноярский округ оставался почти не затронутым, Канский, бывший местом колонизации принудительной, вольных переселен-

ленцев в ту эпоху привлекал также мало, значительно больше шло их в Ачинский, где они только за 25 лет дали 6,5 проц., населения, и особенно в Минусинский, где местами переселенцы оказывались даже в большинстве, как в Курагинской и Идринской волостях. Можно сказать даже, что благодаря именно вольному движению Минусинский округ, бывший сравнительно мало населенным в начале столетия, сделался первым к концу его. „Например на обширной площади Ю.-З. части округа, где теперь (1890 г.) расположены Курагинская, Сагайская и Ермаковская волости, было до 50 г. разсеяно не более десятка селений“, а в 1890 г. было насчитано уже 52 с общим населением 7115 хозяйств. В общем в Ачинском и Канском округах заселялись преимущественно южные районы, а в Минусинском районе по Тубе и в меньшей степени к югу от нее.

Что дала колонизация краю? Прежде всего она несомненно увеличивала плотность населения и тем самым создавала известные предпосылки для развития края, а создавая „непривычное стеснение“ для старожилов, в селения которых новые элементы приселялись или на землях которых основывали новые цельные общества, частью побуждала их к новым переселениям или основанию заимок, частью влияла на создание новых форм землепользования, шедших на смену первичной системы захватов. Вместе с этим переселенцы приносили с собою свои земледельческие орудия, иногда более совершенные, чем местные, привозили новые сорта культурных растений и ввели некоторые новые промыслы, как шерстобитный, овчинный, производство льняного и конопляного масла. Однако в „общем в сфере сельского хозяйства новоселы внесли не много, обнаруживая большую склонность ассимилироваться, чем ассимилировать“ (Материалы. IV—2, стр. 167).

Наряду с этим движением, дававшим краю новое население, все время шло и передвижение земледельцев с одного места на другое, по своим размерам, если не считать бывшего Енисейского округа, даже превосходившее первое. Причинами этого движения были во первых уже знакомое читателям движение из северных районов в более южные, особенно из Енисейского округа, затем неурожай, искали лучшие места в связи с утеснением на старом месте и др. Значительную часть переходивших составляли переселенцы из России, среди которых до 30 проц. не могли сразу выбрать себе подходящего места и находили его только после одного-двух, а иногда и более опытов. Но большая часть, по авторитетному утверждению авторов „Материалов“ 1890 г., состояла из коренных старожилов. Значение этого движения было несколько иное, чем указанных выше: здесь не было общего увеличения населения и для некоторых районов оно означало даже разрежение населения, но для мест вселения оно имело несомненно положительное значение. Можно сказать, что в общем в данном случае происходило стихийное регулирование крестьянского хозяйства.

Особо должно быть упомянуто заселение крайнего юга губернии, именно Усинского пограничного округа и области к югу от него (Урянхайской земли). В течение 19 века подвигаясь на юг, колонизация достигла границ степи и отдельными группами самовольных по-

сельников перевалила через горы в верховья Енисея. Это мирное, наполовину крестьянское, наполовину торговое движение на юг, в горы, пошло из долин р. Ои и Амыла через водораздельные хребты в долину р. Уса. Первыми русскими переселенцами в этом районе были староверы из Западной Сибири, искавшие религиозного спокойствия, и бежавшие с каторжных работ бродяги, а за тем, хотя и в небольшом количестве, стали присоединяться к ним и российские новоселы. Селения Верхне и Нижне-Усинские были основаны в 1862 г. Движение русских дальше на юг за Саяны было следствием открытия богатых золотых приисков в системе р. Систикема в Урянхае в 1839 г. Меновая торговля, которая с давних времен велась между нашими пограничными караулами и туземцами Урянхая, расширяется: в 1857 г. Веселков на р. Иджиме основывает торговую факторию, а с 1871 г. бр. Сафьяновы Г. П. и А. П. устраивают фактории по р. Уюку, Турану и др. С того времени начинается и вольнонародная колонизация края. Несмотря на протесты китайских властей и отсутствие поддержки со стороны русского правительства, русские переселенцы начинают селиться около р. Турана и Уюка, где образуются селения того же имени, затем распространяются по долинам Большого и Малого Енисея и доходят до хребта Танну-ола, основывая заимки и занимаясь сельским хозяйством и торговлей. К концу 19 века в Усинском округе было уже 2107 человек и по ту сторону государственной границы находились уже ряд торговых факторий и приисков и даже две деревни.

§ 4. Население и его численность. В результате естественного прироста и процесса колонизации население возрастало, хотя и медленно: с 176413 чел. в 1823 г. до 296665 в 1863 г. и 570255 в 1897 г. По районам население разделялось таким образом:

	1823 г.	1830 г.	1863 г.	1890 г.	1897 г.
ВСЕГО	172823	191467	323014	439512	570255
В том числе: городского	14080	14754	26349	39585	61106
сельского.	158748	176413	296665	400032	509149
В Красноярске	3962	4776	9997	16272	25126
его уезде	—	38967	63661	60032	73783
В Ачинске	1659	2078	3177	5163	6069
его уезде	—	29038	52337	78878	105405
В Енисейске	5824	5695	6924	7382	11535
его уезде	—	40054	37906	55483	56086
В Канске	1112	1207	2231	4476	7397
его уезде	—	28433	51221	60621	89043
В Минусинске	1112	1068	3872	6099	10227
его уезде	—	41019	84833	135235	174581
В Туруханском крае	—	—	7803	9976	10923

Всего как видно из предложенной таблицы, *) население края

*) Цифры взяты из Латкина. Енисейская губерния, 106 для 1823 и 1890 г.г. (по Енис. округу и Турух. краю), у Степанова Енис. губ. и (прилож.) для 1830 г., Вагина „Стат. заметки“ для 1863 г., Матер. землеп. IV т. в 2-й—1890 г. и „Аз. России“ для 1897 г.

за 75 лет увеличилось слишком втрое, причем быстрота роста была неодинаковой и в первую половину периода (с 1823 по 1863 г.) составила 150 тыс. человек, а во вторую 247 тыс. человек. В абсолютных цифрах это составит в среднем на год для первой половины 3750 человек, для второй—7300 чел. Объяснение такого увеличения еще в 90 годах находили в растущем ежегодно вольном переселении и увеличении ссылки, а также в естественном приросте. Любопытно отметить, как уже в несколько лет сказалось влияние постройки железной дороги и за 7 лет с переписи 1890 г. население возросло на 30 проц. при чем прирост выше среднего дали округа Ачинский и Канский.

При этом в прямой зависимости от хода колонизации округа развивались неравномерно и Енисейский округ, стоявший в начале периода на первом по населенности месте, оказался к концу его на последнем, отставал от других и Красноярский и напротив особенно выделяется ростом населения южный Минусинский: в 1897 г. на его долю приходилось 32 проц. всего населения и все остальные округа значительно ему уступали. Впрочем в отношении плотности населения и связанного с нею вопроса об использовании природных богатств страны, все округа дали чрезвычайно низкие цифры: Красноярский 5.2, Ачинский и Минусинский 2.2, а Енисейский 0.2. И в соответствии с этим средняя по краю была 0.25 чел. на 1 кв. версту.

Естественно увеличилось и число селений. Правда, ряд деревень за это время уничтожился и их население разошлось по другим районам или по крайней мере перешло в выселки, тут же неподалеку, но уже под другими названиями, но основание новых пунктов продолжалось в широких размерах. В 1830 году по Степанову всего поселений было 210 в Енисейском округе и 535 в 4 южных округах. Обследование 1890 г. дало для этих же 4 округов 776 поселений, причем и средняя величина одного поселения выросла с 240 человек до 400 чел. За 75 лет это, конечно, еще не много, но все же некоторый успех. Процент городского населения низкий в 1823 г. (8 процентов) еще более падает к 1830 г. (ниже 6) и поднимается до 8 в 1863 г., до 9 в 1890 г. и 10 в 1897 г. Ясно, что сельское население все время составляет громадное большинство и это должно было оказать определенный отпечаток и на всю экономику края.

Гл. 8-я. Экономическое развитие края в 19 веке.

§ 1. Экономическая жизнь края в начале периода. Сто лет тому назад Степанов уже описывал Енисейский край как прежде всего земледельческий, несмотря на малую его населенность и примитивный характер хозяйства на окраинах, где русского населения было мало и где охота играла первенствующую роль. Енисейскую губернию называют житницей Сибири, пишет он, и плодородие ее стоит в связи с превосходною почвою и усугубленною силою солнечного действия.

Действительно в его время, т. е. около 1830 г. при общей численности населения в 191467 чел. посевы достигали 204350 десятин, т. е. на 1 душу населения приходилось 1.16 дес., тогда как в 1917 г. только 0.6. Естественно хлебные избытки должны были быть значительны и Степанов, хорошо знавший край, определяет их в 300000

четвертей или $2\frac{1}{2}$ милл. пудов ежегодно. Понятно, что продукты сельского хозяйства должны были быть дешевы и в Красноярске мука доходила до 18 коп. пуд, ржаная 25 коп. пшеничная и 12 к. овес (ассигнациями стоявшими 3 р. 50 к. за 1 рубль серебром). Естественно при таких низких ценах и малой емкости рынка (вывоз хлеба шел только по московскому тракту для нужд проезжающих и обозов, в Турух. край и по Чулыму в Зап. Сибирь) и обилии свободных земель крестьянину не было расчета интенсифицировать свое хозяйство и в земледелии держалась залежно-паровая система, при которой пахали землю 7-12, а с пособием пара 18 лет и потом оставляли отдохнуть лет на 20. Только в Минусинском округе было трехполье с постоянным паром. Полеводство носило чисто зерновой характер и кроме главных 4 хлебов прочих культурных растений было так мало, что не хватало даже для домашнего быта: просо почти не встречалось на базарах, льна на всю губернию было 300-350 дес., а конопляное масло в Енисейском и Канском округах стало появляться только после 1823 года.

Из зерновых культур на первом месте стояла озимая рожь, дававшая 40-43% всей посевной площади и господствовавшая над всеми остальными посевами в Канском и Енисейском округах, а вместе с ярицей составлявшая больше половины посевов и всей губернии. Следует отметить, что в это время по цифре населения стояли впереди Минусинский и Енисейский уезды, а по площади посевов Минусинский и Красноярский.

Скотоводство было довольно значительно, и в губернии насчитывалось до 187 тыс. лошадей, 213 тыс. крупного рогатого скота, 244 тыс. овец и 37 тыс. свиней, при чем уже тогда обнаруживалось преобладание русского скотоводства над туземным, насчитывавшим всего 73 тыс. лошадей, 93 тыс. крупного рогатого скота, 52 овец и всего 280 свиней. Определенно выяснилась разница и в обращении со скотом, который туземцы держали круглый год на подножном корму и нередко массами теряли от безкорьицы. Впрочем благодаря тому, что татарское скотоводство было крупно-владельческим и количество скота на душу в туземных районах было значительно выше, большая часть убойного скота для нужд городов и соседних губерний закупалась именно в районах табунного туземного скотоводства (до 75% всех закупок).

Подсобные сельско-хоз. промыслы были развиты слабо (арбузы до 5 вершков мерою были разведены в с. Кавказском выходцами из Малоруссии, но 3-4 вершков встречались почти во всех деревнях и даже в Енисейском округе), а пчеловодство еще только вводилось в хозяйствах чиновников Галкина, местного уроженца, и Коновалова около Красноярска.

Промыслы внеземледельческие были развиты слабо: охота и рыболовство преимущественно удовлетворяли потребности самих промышленников, так что рыбные богатства Туруханского края оставались совершенно неиспользованными и рыба, ловившаяся в Анциферовской волости и на юге Ачинского округа в земле кизильских татар покрывала только часть потребности городов и зимой из Томска всегда доставлялось гужем много рыбы обской. Только на севере

в Енисейском округе и Туруханском крае процветала охота на пушного зверя, дававшая даже по дешевым ценам того времени более чем на 550000 рублей; в течении года 600000 белок, более 9000 соболей, до 15000 песцов и т. д.

Обрабатывающая промышленность была развита слабо, хотя некоторые предприятия имели большую известность и за пределами губернии. Так Коноваловский стеклянный завод, существующий и до сих пор, славился своими прекрасными изделиями, и его изделия, а особенно оконное стекло, шли в большом количестве на восток вплоть до Кяхты, туда же шла крученка с единственной в Восточ. Сибири крученной мельницы, И. И. Галкина в д. Торгашиной около Красноярска. Бумажная фабрика Родионова снабжала всю губернию бумагой.

Но это были немногие исключения: металлургические казенные заводы один за другим закрылись ранее (последний Ирбенский в 1829 г.) и перед нами остаются только кустарные предприятия и многочисленные кожевенные, салотопенные и мыловаренные заводики и в Енисейске кузнечные мастерские, дававшие до 30 тыс. пудов изделий на вывоз, кроме местного потребления, а значительная часть потребностей удовлетворялась уже собственным трудом крестьянства. Так все почти крестьяне занимались тканьем сукон, холста, кушаков для себя и отчасти на продажу и Степанов насчитывал до 20281 станков. Особенно ткацкое дело было распространено в Енисейском округе; жители г. Енисейска и его округа весьма рукодельны, пишет Степанов, и выручают за простые сукна много больше, чем все прочие уезды.

При таком строе хозяйства торговля должна была быть невелика и формы ея были примитивны. Прежде всего денег в Сибири вообще было мало, а серебра и золота почти совсем не было. Поэтому внутренняя торговля шла в значительной части меновая, особенно с инородцами, у которых скот и пушнина приобретались за мануфактуру и сахар. Предметом торговли служили в северной половине губернии преимущественно пушнина и шкуры оленей, а в южной кроме этого скот (на сумму до 200 тыс. рублей) и хлеб до 365 тыс. четвертей на сумму до 1275 тыс. рублей.

Вывоз из пределов губернии состоял прежде всего в пушнине, шедшей на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, в Москву и Кяхту, скоте, выгонявшемся в Иркутск с юга губернии, и сплаве хлеба по Чулыму от Ачинска. Центрами торговли были Енисейск, правда, уже потерявший свое значение с развитием Ирбитской ярмарки и переходом торговых путей на юг, и Красноярск, купечество которого владело торговлей во всей южной части губернии. Однако, непривычное к энергичной деятельности, оно уступало первое место приезжавшим из России мелким купцам-мануфактурщикам, т. н. „вязниковцам“ (от г. Вязники Владим. губ.), которые ввозили уже до 2/3 всей мануфактуры с запада и господствовали в розничной продаже во всех городах края.

Таким образом в начале данного периода перед нами чрезвычайно примитивные формы хозяйственного развития с малым разви-

тием обмена и господством натурального х-ва (даже в половине городов).

Однако в общем население жило хорошо: „Енисейская губерния имеет богатство положительное—одежда, обувь, пища, скот, жилище, отопление и освещение—все находится в таком состоянии, которое смело можно назвать изобилием... Из 50235 крестьян богатых 20%, средних 50% и бедных 30%. Однако эти бедные имеют всегда ситный хлеб, по воскресным дням пшеничный; конечно, похлебка их не всякий день мясная, но каждую неделю 3-4 раза рыбная, у каждого на тягло лошадь и корова (т. е. на 1 хозяйство 3 лошади и т. д.), дрова, не хворост; кровля—не солома, пол—не земля, скот не живет с ними в одной конуре и дым не окуривает воздуха“ (Степанов 1,268).

Однако изобилие хлеба приводило к падению хлебных цен и совершенной невыгодности земледелия, так что уже Степанову приходила мысль, что только развитие фабрично-заводской промышленности „могло бы открыть новый источник к сбыту хлеба и восстановить денежное кругооборотение“.

§. 2. Развитие сельского хозяйства. В 19 веке эта картина постепенно меняется. Прежде всего рост населения приводит к расширению площади земледелия и изменению способов хозяйствования, затем расширяется обмен внутри края, начинает развиваться промышленность и торговля и выростают города по мере того, как натуральное х-во уступает место денежному, особенно с быстрым расцветом золотопромышленности. В тоже время звероловство и первобытное скотоводство теряют свое былое значение и постепенно сокращаются. Формы хозяйства постепенно усложняются и только отсутствие удобных путей сообщения и малая связь с внешним миром препятствуют более быстрому развитию замкнутого в долине Енисея хозяйства.

На первом месте отметим по прежнему развитие земледелия, как основного занятия населения. В течение 75 лет площадь, занятая земледелием, увеличилась почти до 750 тыс. десятин, и посевы с 200 тыс. десятин дошли до 321 тыс. дес. по 4 округам или до 350 тыс. по всей губернии, (Материалы IV, в. 4, 103), по данным же Латкина со 164 тыс. четвертей в 1834 г. до 520 тыс. в 1888 г. (159 стр.) При этом в силу более быстрой колонизации Минусинского округа и лучших его климатических и почвенных условий Минусинский округ вышел на первое место, особенно в отношении посевов пшеницы, и яровые посевы, в частности пшеница во всех округах приобрели большее, чем в начале периода, значение. Так в 1890 г. размер посевной площади был (в тыс. десятин):

	Озим.	Яров.	Итого	На 100 десятин.			
				Рожь	Ярица	Овес	Пшен.
Канский . . .	19.6	52.2	71.8	32.8	41.2	30.0	16.7
Красноярский .	7.1	51.8	68.9	15.3	26.4	22.4	22.7
Ачинский . . .	22.1	51.4	73.6	31.3	17.6	21.3	22.5
Минусинский .	11.0	92.5	103.5	80	27.2	25.0	31.8
По 4 окр.	59.8	248.1	308.0				
Енисейский . . .			22.5				

(по расч. посевов Латкина).

Помимо роста земельной площади и увеличения места пшеницы и вообще яровых посевов, шли перемены и в других сторонах земледельческого хозяйства. Уже из приведенных цифр можно было видеть, что рост земельной площади отставал от роста населения и несмотря на введение в культуру новых земель и расчистку многих подтаежных мест для пашен, прежняя переложная система уже не могла держаться и стала сменяться двух-польно паровой и кое где начинался переход к трехполью с унавоживанием полей. Кое где уже начали применять и разного рода улучшения и например в Базайке называть пашню начали уже с 70 годов и таким образом улучшили до $\frac{1}{4}$ всей пашни, в Бирюсе почти все равнинные пашни, а в Бейской волости начиная с деревни Иудиной применили искусственное орошение к пашням. Менялись и сельско-хозяйственные орудия. Соха-рогалюха или рукопашка, одноконная и без передка, державшаяся почти до половины столетия и бывшая единственным орудием пахоты, была очень быстро почти повсеместно заменена парною колесухой и сабаном, а в Минусинском округе переселенцы принесли с собой и лемех или малороссийский плуг, а из уборочных машин появились веялки и молотилки с конца тех-же 80 годов. Введен в культуру и ряд новых полезных растений. Так декабрист А. П. Беляев ввел в Минусинском уезде посевы гречихи, а затем переселенцы приносили с собой с родины семена, особенно пшеницы и пробовали их акклиматизировать и наконец с начала 80 годов за распространение улучшенных семян берется Минусинский музей.

В итоге земледелие сделало за 75 лет ряд успехов и, сохранив свою экстенсивность, согласную с экономической обстановкой, удовлетворяло потребность и самого крестьянства, и местных городских и приисковых рынков. Но для развития его в соответствии с естественными условиями и ростом населения, являлось препятствием отсутствие выходов для его продуктов, так как западно-сибирский рынок (пути по Чулыму) был утрачен с развитием в Западной Сибири новых земледельческих районов, а новые рынки не были найдены и в результате земледелец обрабатывал в Енисейском крае землю только на 60 проц. возможного. Давая 64 проц. всего до-

хода крестьянина, земледелие оставалось главным занятием и даже более того захватывало новые круги, как и вообще процент без посевных все время уменьшаясь, дошел с 19.9 в 1865 г. до 10 для всей Сибири (Кауфман. Крестьянская община в Сибири, стр. 68). Так же и позднее процент безземельных все время падает и в Енисейской г. 10,8—18,6 был в 1890 г. 10, 8-18, 6 (1917 г. 4 проц.) и в частности для старожилов колебался по округам от 3.8 до 13.7 проц., поднимаясь для поселенцев и посторонних, до 82 проц., хотя и эти последние от земледелия также получали пропитание.

Надо заметить, что и территориально земледелие расширялось, распространяясь на землях кочевых татар, путем основания русских земледельческих хозяйств и одновременно с переходом и аборигентов к земледелию под русским влиянием.

Вместе с этими успехами земледелия, необходимо однако отметить, что техника его улучшалась слабо, и поэтому уже исследование 90-х годов отметило постепенное понижение урожайности земли и чрезвычайное резкое колебание площади посевов по годам, что указывает на ненормальность хоз. жизни края. Действительно к концу периода мы видим постоянное перепроизводство хлебов, достигавшее 5—6 милл. пуд. в год, и как следствие этого часто низкие цены на хлеб, делавшие иногда урожай бедствием для хозяина и лишавшие его интереса к улучшениям в хозяйстве.. Отсутствие рынка тормозило развитие хозяйствства.

Скотоводство развивалось в крае за изучаемый период в трех различных направлениях. На севере в области тундр и тайги основу скотоводческого хозяйства составляли северные олени, причем техника промысла не изменилась за сто лет, и о количестве скота, его увеличении или уменьшении нет точных данных, хотя общепринятым является мнение, что туземное хозяйство на севере, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны русских торгующих, ухудшалось и количество скота уменьшалось. Это положение может быть правильно только в применении к жителям берегов Енисея, к востоку же от Енисея экономическая самостоятельность туземцев сохранилась вплоть до нашего времени, а вместе с нею и громадные оленьи стада.

Вторым районом с особой линией развития был район кочевого скотоводства в области, занятой минусинскими татарами. Здесь была область крупновладельческого табунного скотоводства, при чем скотоводство являлось основным промыслом всей массы населения впереди промыслов и слабого земледелия, а иногда было и единственным источником существования. В условиях Минусинского округа оно не требовало большого напряжения труда со стороны владельцев, так как подножный корм был готов весь год—и зиму, и лето,—но за то от времени до времени наступали голодовки, сразу подрывавшие благосостояние степных скотоводов. Главной ценностью стада считалась лошадь, и богатство определялось именно числом лошадей, хотя спрос со стороны рынка и местного и Иркутского рано привел к особому росту стад крупного рогатого скота и овец.

Так в 1890 г. у туземцев Енисейской губернии насчитывалось 75523 лошади, 77421 крупного рогатого скота, 163030 овец, 1355 свиней 7689 коз. и Не забудем при сопоставлении этих цифр с приве-

денными выше 1830 г., что в 1870 г. чума уничтожила у инородцев 8510 голов, в 1871 г. до 50000 (вместе с Новоселовской, Абаканской, Тесинской и Шушенской волостями), в 1885 г. в Минусинском округе пало $\frac{2}{3}$ скота (до 78 тысяч голов) и чума продолжала свирепствовать и в 1886 году. Не надо забывать, что территория кочевого населения все время уменьшалась и что многие инородцы в течение 19 века обрусили и перечислились со своим скотом „во хрисъяне“. В 1917 г. для Хакасского района, который еще значительно уменьшился с 1890 г., перепись дала 68 т. лошадей, 111 тысяч крупного рогатого скота и 270 тысяч овец. Тем не менее численность крупного рогатого скота даже сразу после такого бедствия, как чума, была немного ниже, чем 60 лет назад, что для прежнего района без жесткой эпизоотии 1885—6 г.г. дало бы напротив большое увеличение.

В то же время с развитием рынка и с ростом цен на мясо и баранину туземцы начали прилагать больше внимания и на содержание своего скота и перепись 1890 года показала уже заготовку сена на зиму, хотя кроме Кизильского ведомства в количестве значительно меньшем, чем у русского населения. Появляются и крытые пригоны для скота. Вообще русское влияние приводит к тому, что татарское скотоводство начинает приближаться к русскому и по составу стад, и по уходу за скотом.

Но, конечно, наибольшее хозяйственное значение имело скотоводство русского населения. Прежде всего здесь мы отмечаем расширение его района и в глубь тайги, которая отступает перед новыми переселенцами, и в глубь степей, которые понемногу занимаются русским населением. Затем с ростом населения растет и количество скота, и в 1890 года перепись дала по 4 округам 350230 лошадей, 279324 голов крупного рогатого скота, 395323 овцы, 10679 коз и 90459 свиней, причем первое место принадлежит Минусинскому, а затем Ачинскому округам.

Присоединяя за неимением лучших цифры Латкина 1888 г. по Енисейскому округу к данным переписи, получаем для всей губернии вывод для русского населения: лошадей 384 тыс., крупного рогатого скота 315 тысяч, овец 414 тыс., коз 11 тыс., свиней 96 тыс.

Однако количественные успехи лишь в малой степени сопровождались улучшением дела и как породы скота, так и уход за ним изменились очень мало за весь период, и в крестьянском хозяйстве скотоводство играло роль второстепенную и давало 15 $\frac{1}{2}$ —24 проц. дохода, т. е. в несколько раз меньше, чем земледелие—„Главнейшая часть дохода получалась от молочного скота в мелких хозяйствах и от мясного в крупных. Денежный доход получался главным образом от продажи скота и мяса. Кожи, шкуры и шерсть шли большей частью на удовлетворение нужд собственного хозяйства и служили предметом значительного сбыта лишь в хозяйствах, специально занимавшихся торговлею мясом и скотом“ (Материалы, IV—6, 396 и 40).

Мелкие промыслы. Второстепенные сельско-хозяйственные промыслы были развиты слабо. Огородничество имело почти исключительно потребительский характер и только близость рынка поднимала его значение. Такими рынками были города, особенно Красноярск, золотые присыпки, винокуренные заводы, большие селения и москов-

ский тракт. Эти рынки однако не были крупными и валовой доход даже конца 19 века определялся с огорода средней величины от 20 до 100 руб. Минусинский округ развил бахчеводство и его арбузы, дыни и тыквы сплавлялись в Красноярск и дальше на север.

Птицеводство было также развито мало и давало только от 0.5 до 5 проц. всего дохода крестьянина. Можно считать его также промыслом преимущественно для домашнего употребления, (Латкин о нем даже и не упоминает).

Пчеловодство во второй половине столетия уже успело распространиться по всей южной половине края и кроме Канского и Енисейского округов пчелы встречались повсеместно. В 1890 г. в 4 округах найдено было 3107 пасек с 49644 ульями и доходом 13600 п. меда и 1000 пудов воска на сумму до 100000 рублей. При благоприятных условиях природных и дорожизне привозного сахара промысел мог развиваться хорошо, но недостаток научных знаний у населения и примитивность техники сказывались и от времени до времени происходила массовая гибель пчел.

Промыслы неземледельческого характера в общем играли подчиненную роль. Эти промыслы—рыболовство, сбор ягод, охота, сбор орехов, грибов, заготовка и сплав дров и строевого леса, извоз и дворничество, и наконец разного рода отхожие промыслы, (о кустарных промыслах будет сказано дальше). Распространение промыслы имели большое (62 проц. всех хозяйств и 67 проц. взрослого мужского населения), что было вполне естественно при строе хозяйства близком к натуральному. Действительно у инородцев процент промысловых хозяйств был выше, чем у русского населения, наименьший процент падает на Красноярский округ с наибольшим развитием обмена и наибольшей близостью к городу и тракту и доходность промысла как раз в этом округе является наибольшей благодаря тому же тракту. Вполне естественно также и преобладание промыслов, связанных с земледелием, над не земледельческими, особенно в Минусинском и Канском округах да и вообще промыслы были связаны с условиями местной природы и экономической жизни края.

Распространенность отдельных видов промышленности в различных группах населения была весьма неодинакова. Старожилы, заевавшие себе прочное экономическое положение и знакомые с выработанными жизненным опытом способами эксплоатации даров природы отдаются по преимуществу занятию мелко добывающей промышленностью, извозом и дворничеством; переселенцы, экономически необеспеченные и привыкшие к иным занятиям и иной культуре, отдавались ремеслам, кустарным производствам и отхожим промыслам, тогда как среди инородцев преобладали охота и рыболовство.

Из всех неземледельческих промыслов наибольшее значение в хозяйственной жизни края имела охота. На севере (в Туруханском крае и Енисейском округе) и в горных лесистых местностях других округов она составляла главное занятие населения, давая ему одновременно и пищу, и товар для обмена (пушнина, шкуры и на юге марабьи рога и кабарговая струя.) Предметом промысла являлись прежде всего пушные звери—соболь, песец, лисица, белка, горностай, заяц и др. Размеры добычи не известны, но общее впечатление—добы-

ча пушнины все время падала, по мере увеличения населения и улучшения вооружения охотников, и например ценнейший зверь края—соболь—давал к концу периода уже в два раза меньше, чем во время Степанова. Напротив добыча песца в северной полосе и белки в тайге и зайца в степи, значительно выросла, удвоившись или даже утроившись к концу периода и по сведениям Латкина добыча белки в конце 80 годов была не менее $1\frac{1}{2}$ милл. штук в год. Во всяком случае до конца 19 века это был чрезвычайно важный промысел по сумме заработка, который давал местному населению, и по размерам оборота торговли. В отношении добычи пушнины Енисейский край являлся одним из наиболее важных районов во всем государстве, давая по мнению А. Савельева, почти половину белки и песца по Сибири и более четверти количества горностаев. (Спр. Кн. Ен. Г. С. Н. Х.).

Оскудение происходило и в области охоты на копытных животных. Количество сохатых и диких коз сокращалось с каждым десятилетием, сокращался и промысел кабарги, а охота на маралов стала понемногу заменяться разведением в особых маральниках, сначала в Усинском округе, потом и в других местах.

Несколько иначе обстояло дело с рыболовством. Основным районом рыболовства долго был южный земледельческий, озерно-речной район, в котором рыба заготовлялась отдельными хозяевами или небольшими артелями, преимущественно для собственного употребления и лишь в небольшом количестве поступала в продажу. Еще в 90 годах по берегам Енисея, Чулымы и Маны и некоторых больших озер рыба добывалась именно на продажу и общее количество лиц, занимавшихся рыболовством, в 4 южных округах достигала 5 с половиною тысяч. (Материалы IV—4, 309, 325).

Особо стоял Приангарский район. Очень долго рыболовство носило здесь только потребительский характер, но расцвет Енисейска с развитием золотопромышленности создал спрос на рыбу и особенно лучшие сорта ее, и на Ангаре в нижнем и частью в среднем течении развился промысел красной рыбы—стерляди и осетра. Промысел имел значительное развитие и достигал 80000 пуд. в год на сумму до 200000 руб. (Дальше 1902 г. сведений нет, но в 20 веке промысел находился уже в упадке).

Но районом, приобретшим со временем большое значение, был Туруханский. Прежде всего, здесь, конечно, рыба имела громадное значение для питания местного населения, значение несравненно большее, чем на юге, а затем постепенно развивался и вывоз рыбы в Енисейск, а потом и дальше.

Основным препятствием к развитию промысла служило расстояние, так как при первобытных средствах сообщения (бичевой на лодках) нельзя было спускаться далеко на север, рискуя замерзнуть на обратном пути. Поэтому в начале 30 годов вывоз из Туруханского края не превышал 2000 рублей. Однако постепенно вывоз развивался: поселенные в Туруханске декабристы Аврамов и Лисовский стали вывозить рыбу зимою в Енисейск и предание с их именем соединяет начало копчения сельди. В 40 годах в Енисейск в среднем доставлялось уже до 16000 пуд. рыбы, в том числе до 4500 пуд. красной рыбы и до 60 пуд. копченых сельдей и 100—200 пуд. клею. Раз-

вление золотопромышленности отвлекло часть промышленников и вместе с прежними 10 судами в 60 годах за рыбой плавало уже только два больших и пять лодок с общим вывозом 13600 пуд., 30 пуд. икры, 50 пуд. клея и зимний улов давал для вывоза около 500 пуд.

С 1863 г. в низовьях Енисея стали ходить пароходы и район промышленного рыболовства расширился до залива, и вывоз рыбы возрастал: в 70-годах до 28000 пуд. ежегодно, в конце 80-х от 38 до 40 тыс. пуд. и в 1897 году до 50000 пуд.

При превосходных вкусовых качествах енисейской рыбы она обрабатывалась отвратительно и легко портилась, что впрочем не мешало ее распространению, и спрос всегда превышал предложение.

О других промыслах говорить остается мало. Сбор ягод и грибов имел место повсюду, но преимущественно для своих нужд и только вокруг городов несколько развились продажа, но больших размеров она не имела, так как и города-то были невелики. Напротив сбор орехов существовал в качестве промысла. По 4 округам (без Енисейского) в 1890 году было насчитано 913 дворов и 1043 чел. занимавшихся этим промыслом, причем главными его районами были Сагайское ведомство, Ермаковская, и в меньшей степени Шушенская и Бейская волости Минусинского округа, Рыбинская и Ирбейская Канско-Вознесенская Красноярского округа. (В 1890 г. все эти волости имели много большую территорию). Вся сумма сбора распределялась внутри губернии и вывоза не было. Так как однако в главных пунктах сбора получались избытки ореха, то создалась особая форма переработка—приготовление орехового масла и использование избоин (мякоти орехов) для приготовления пряников.

Заготовка и сплав леса строевого и дровяного также развивались только в пределах внутреннего потребления и только вдоль Енисея имели несколько большие размеры: здесь влияла близость большой сплавной реки, по которой хлебные и другие грузы шли с земледельческого и богатого лесом юга на север вплоть до Енисейска и Туруханска и в различных пунктах реки строились барки, лодки и плоты для сплава (в Сухо-Бузимской волости Красноярского округа; Новоселовской, Тесинской, Ермаковской, Шушенской и др. Минусинского округа).

Большое значение в определенном узком районе имели извоз и связанное с ним дворничество. Основное направление извоза транзитного было на Московском тракту, и дворничество естественно развивалось в волостях, расположенных вдоль этого тракта. С развитием земледелия в Минусинском округе и золотопромышленности в Енисейском естественно увеличивалось и количество грузов, идущих в том и другом направлении и развивался извоз уже местного характера, главными путями которого были: 1) Ачинск, как конечный пункт водного пути по Чулыму—Минусинск с одной стороны, 2) Ачинск—Енисейск—прииска—с другой, 3) Канско-Тасеево—прииска с третьей, и наконец зимнее сообщение Красноярск—Минусинск по Енисею.

Обслуживал извоз и местный обмен и доставку грузов на ярмарки и с ярмарок в города. Временем наибольшего развития извоза надо считать половину 19 века, а затем сокращение кяхтинской

торговли и перевозка чая водным путем отразились на извозе транзитном, и развитие пароходства (с 1863 года в низовьях и с 1883 г. в среднем и верхнем плесе), уменьшило движение и по трактам Ачинск—Минусинск и Ачинск—Енисейск. Однако еще в 1890 г. извоз и дворничество занимали в 4 округах без Енисейского 2948 лиц по извозу дальнему, 3860 по ближним перевозкам и 635 по дворничеству и заработка составлял в Канском округе 75 проц. всей суммы, вырученной от крестьянских промыслов; 54 проц. в Красноярском, 48 проц. в Ачинском и даже в Минусинском 31 проц. Особенно крупные размеры имело движение обозов по дорогам на все приисковые системы и по старому тракту Ачинск—Енисейск. Всего по приближенному расчету Н. В. Латкина на прииска шло до 2 милл. пудов грузов, что при значительном расстоянии от приисков до рынков закупок давало заработка не менее 1000000 рублей (в 80 годах), так что эту последнюю группу сообщений надо считать даже наиболее важной по сравнению со всеми другими.

Наконец промыслы отхожие также имели чисто местное значение. Как общее правило население старожильческое было зажиточно и ему не было надобности искать заработка на стороне. Впрочем и другие разряды шли в отход только в редких случаях невозможности прокормиться на месте постоянного жительства. Поэтому кроме короткого времени расцвета северно-енисейской золотопромышленности, когда на приисках работало до 20000 человек и представители всех профессий бросились на добычу золота, отхожие промыслы большой роли в хозяйстве не играли, особенно на юге. Так в Минусинском округе в конце столетия выход отмечается только в 2 проц. всех хозяйств и в среднем по 4 округам 6.2 проц. В Красноярском он доходил до 16 проц. и должен был быть еще более значительным в Енисейском. Главным образом уходили поселенцы и общее количество уходивших для 1890 г. по 4 округам определялось в 2701 м. и 377 женщин; из которых 137 мужчин и 288 женщин поступили в прислуго, а 2553 мужч. и 89 женщин ушли на прииска (всего на приисках работало выходцев из разных губерний в 1881—1885 г.—12 тысяч, а в 1886—1889 гг.—11 тысяч с лишком, и в среднем за 1839—1889 гг. 17339 человек включая Бирюсинскую систему на востоке *).

§ 4. Золотопромышленность. Золотопромышленность в Приенисейском крае уже имеет своих историков и ее историю проследить гораздо легче, чем историю всех других промыслов—настолько эффективно было ее развитие и так велико было произведенное ее расцветом впечатление.

Поиски золота начинаются в Енисейском крае с 1827 года и уже в 1830 г. сделаны были первые заявки. В 1834 г. начинается разработка первых приисков в Ачинском округе по системам р. Белого и Черного Июсов. В 1835 г. открываются прииска в Минусинском округе по рч. Чибижеку, Бегье, Узунжулу и Сисиму. В 1836 г. Рязанов открывает богатую россыпь по рч. Хорме, притоку Бирюсы, а затем

*) Латкин 251—253; Семевский „Рабочие на Сиб. золотых промыслах“ (II 142) дает для 40-х годов в ср. по 14757 чел., в 50-х—20968, 60-х—14398, в 70-х—12668, и 80-х—9659 в год для Енис. округа.

поиски направляются далее на север и один за другим начали открываться сказочно богатые прииска, давшие каждый за 20—25 лет по 400—500—600 и более пудов золота. И с 1840 года началась „золотая горячка“, выдвинувшая ряд золотопромышленных магнатов. В короткое время и при сравнительно небольших расходах удачливые люди приобретали громадные деньги и общая добыча золота дошла в 1847 г. до 1213 пудов, что составляло 90 проц. всей тогдашней добычи золота в России. Однако с этого же года началось сокращение добычи и это заставило думать об улучшении техники дела и о сокращении потери золота при промывке. Постепенно стали переходить к промывке золота на машинах-бочках, действовавших водяною силою или конным приводом. С годами вносились улучшения и производительность машин возросла в 8—10 раз. Наконец применена была так называемая кулибинка, позволявшая разрабатывать даже россыпи с содержанием 30 доль в 100 пудах „песку“ (породы).

Однако с истощением наиболее богатых россыпей общая сумма добычи продолжала падать: в первое 25-летие добыто было 16134 п., во второе уже только 11812, в следующие 28 лет (1884—1912) 5807 пудов, что в среднем на год дает соответственно 645 пудов для первого, 472 п. для второго и 207 пудов для третьего периода. А это привело к большим переменам в положении промысла. Крупные капиталисты исчезли и на работе остались по преимуществу мелкие промышленники, нуждавшиеся в кредите для ведения дела, а то и просто артели золотничников. „Без этих мелких артелей, извлекших в течение последнего двадцатилетия (1870—1890 гг.) сотни пудов золота, которое никогда бы не было добыто, немыслима была бы доработка приисков, выработанных прежде большими работами“, пишет Латкин, хорошо знакомый с нашими приисками. Действительно во второй половине столетия происходила уже доработка старых приисков и перемывка отвалов, куда ранее сваливали промытую золото содержащую породу. Началось и применение механической отвозки песков. Но настоящий выход для возрождения золотопромышленности был найден уже в начале следующего периода (1901 г.): это было применение драг для эксплоатации россыпей и разработки кварцевых месторождений золота, а это вызывало необходимость концентрации капиталов и переводило золотопромышленность на крупно-капиталистические основы. Механизация добычи и применение технических знаний отмечают уже новый период и дали увеличение добычи, которая с 154 пудов в 1911 года дошла уже в 1915 году до 219 пудов.

Главными районами добычи являлись прииска, расположенные в Енисейском горном округе, к северу от р. Ангары; значительное золото разрабатывалось также в системе р. Казыра, Кизыра, Амыла и в Урянхайском крае, и наконец в предгориях Кузнецкого Алатау. Канский и Красноярский округа большого значения не имели, кроме короткого расцвета промысла на р. Хорме (1842—1844 г.).

Общая цифра добычи по 1902 год равна 32346 пудов на сумму почти до 600 милл. рублей. За последние 90 лет много раз доход от золотопромышленности превышал весь доход всех остальных отраслей хозяйства и это уже указывает на размеры влияния, которое

золотопромышленность должна была иметь на всю хозяйственную жизнь губернии. Латкин (Енисейская губерния 250—251), сам бывший золотопромышленник, дает такую характеристику этого влияния: „Влияние ее на экономическое состояние губернии и на развитие в ней торговли неоспоримо. Она дала массу дела местному населению, создала почти не существующую прежде заводскую промышленность в крае и дала громадный толчек как в торговле, так и развитию в крае земледелия. Она же имела значительное влияние на развитие в громадных размерах извозного промысла и местного скотоводства, а также на возникновение в крае железоделательных и машиностроительных заводов“. Однако с этим мнением современника вполне согласиться трудно. Прежде всего большая часть колоссальных сумм, которые дала золотопромышленность, сразу же ушли за пределы края, как дивиденд на долю различных высокопоставленных участников, не вложивших в дело почти никакого капитала. Точно также не принесла краю пользы и большая часть прибыли местных золотопромышленников, проживавших свои бешеные деньги в столице, или заграницей и выписывавших в громадных размерах шампанское и предметы роскоши, отчего местный край совершенно не выигрывал. И только часть доходов шла на оплату продовольствия рабочих, на жалованье им и прочие расходы по оборудованию и содержанию приисков. Благодаря этому создался новый рынок для местных продуктов земледелия и скотоводства, развилась перевозка грузов с сопутствующими ей промыслами и наконец нашли себе работу мало обеспеченные элементы населения. Но в то же время свойственный золотопромышленности того времени элемент азарта отнюдь не создавал трудовой обстановки, большие приисковые заработки обычно быстро прокучивались рабочими в самых безобразных условиях. Не накопили капитала и новоиспеченные миллионеры, а краевая промышленность благодаря золотопромышленности не развились, а напротив сжалась и пострадала с уходом кустарей на золото. И даже развитие торговли было кратковременным и непрочным. И как на месте выработанного прииска не остается ни леса, ни пригодной для земледелия почвы, а только наводящие уныние ямы и отвалы, так потрясение, произведенное золотою горячкой, отвлекло часть населения от нормальных путей развития и, как признает сам Латкин, не дало краю ни хороших путей сообщения, ни горной школы и хорошего горного местного музея, ни научного изучения тайги и ее россыпей.

§ 5. *Обрабатывающая промышленность.* Обрабатывающая промышленность в Енисейской губернии в 19 веке продолжала развиваться медленно. Причины этого были сначала крайняя недостаточность населения и капиталов, затем отвлечение энергии к золотопромышленности и наконец с улучшением средств сношения влияние конкуренции западных более развитых областей (Западной Сибири, Урала и Европейской России). Точных цифр о состоянии промышленности мы не имеем, а отчеты губернаторов, на которые ссылается иногда, как раз в этой области, а особенно при определении оборотов торгово-промышленных предприятий, дают совершенно недостоверные данные. Общим положением и для 19 века является отсутствие крупных предприятий; перед нами или мелкие предприятия или

кустари *) и число их рабочих колебалось от 983 в 1860 г. до 1708 в 1881 г. и 1480 в 1888 г. Местная промышленность обслуживала только местный рынок и то не в полной мере, на вывоз же кроме железа в 30 годах она не давала ничего.

В стране с господством сельского хозяйства естественно должны были быть более развиты предприятия по переработке продуктов земледелия и скотоводства, и действительно на первом месте стояли и были повсюду распространены заводы мыловаренные и свечные, (сальных свеч), кожевенные, мельницы водяные и ветряные, а со второй половины 19 века кое где паровые, напр. Гусева около Минусинска и с 1863 года винокуренные. Винокурение даже сразу заняло первое место (73 проц. всей продукции в 1881 г., 60 проц. в 1888 г.) и по своей доходности и значению в народном хозяйстве и только упадок золотопромышленности и сокращение числа занятых в ней рабочих остановило ее дальнейшее развитие и даже привели к прекращению производства.

Наряду с этим необходимо отметить и отдельные успехи в других областях.

С именем купца Родионова связано существование писчебумажной фабрики около Ачинска, снабжавшей своею бумагой всю губернию и существовавшую с 20 до 70 годов. Вторая фабрика (Комарова) открылась в 60 годах в 30 верстах к северу от Красноярска и закрылась несколько лет спустя.

Продолжал работать в течение всего периода стеклянный завод, основанный Коноваловым, дававший с начала своего прекрасные изделия (стекло посудное и оконное). Попытки поставить обработку металлов, делались неоднократно, и в этот период с 1827 года по 1850 г. при Троицком солеваренном заводе велась выделка железа кричным способом (до 68^{1/2} тыс. пудов за все время), с 1848 до 1865 года при устье р. Барги (Троицко-Заозерная волость) завод Яковleva с ежегодной производительностью до 700 пудов и в верховьях Абакана наибольший в крае Абаканский завод, основанный в 1858 году Кольчугиным, давший только за время 1880—1897 гг. (о других у нас нет данных) 1652000 п. чугуна невысокого качества.

Делались попытки организовать и выплавку меди: упомянутым Родионовым около 1830 года был построен завод около Ачинска, в 1874 г. Медин поставил Спасский медеплавильный завод на р. Б. Пещице, перешедший впоследствии к Чернядьеву и закрывшийся в 1882 году.

Все эти попытки однако оставались безплодными и только в 20 веке добыча меди была поставлена серьезно на рудниках Юлия и Улень.

Наконец как особую и в общем удачную попытку надо отметить свеклосахарный завод Гусева около с. Дубенского Минусинского округа, работавший с 1889 г. и давший 127000 пудов сахара. По смерти предпринимателя дело остановилось, но во всяком случае было

*) В предприятиях перерабатывавших животные продукты среднее число рабочих на 1 предприятие было в 1860 г. 3, в 81—2,3, 88—2 чел.

доказано, что в местных условиях сахарное дело технически вполне возможно.

Для полноты обзора необходимо отметить, что мукомольное дело развивалось, появились небольшие железоделательные заводики, и к концу столетия открылись в нескольких пунктах заводы лесопильные, вытеснившие с местных городских рынков ручную распиловку леса. И наконец с постройкой Сибирской железной дороги в Красноярске были созданы громадные железнодорожные мастерские с рядом депо вдоль линии.

А вместе с общим развитием края увеличивается число предприятий и их обороты и с появлением на местном рынке продуктов, привозимых с запада, конкуренция заставляет вносить улучшения и в технику производства.

Те же условия оказали свое влияние и на местную кустарную промышленность. Промышленность эта была развита слабо. Единственная область ее, дававшая большие цифры, это железоделательная около Енисейска, которая в 30—40 годах давала в среднем в год до 30000 пудов железных изделий, в том числе до 12000 сошников, 35000 топоров, 19000 пуд. стали, и 12 тыс. пудов других изделий. Но с развитием золотого дела она сократилась до пределов местной потребности.

Остальные промыслы велись почти без наемного труда и большей частью правильнее было бы говорить не о кустарях, работающих на рынок, а о ремесленниках, работающих по заказу. Первое место принадлежало обработке дерева (тележный, посудный, столярный, дегтярный промыслы), овчинно-шубному и др., кузнечному и горшечному. Наряду с этими еще в конце 80 годов сохранялась мелкая домашняя промышленность, удовлетворявшая потребностям своего хозяйства, в которой женщины имели очень мало значения, специализировавшись и то не везде, на обработке растительных волокон. Впрочем самодельные деревенские холсты и шерстяные ткани уже в то время вытеснялись привозными фабричными изделиями, отчасти благодаря дешевизне последних, отчасти под влиянием городской культуры.

§ 6. Торговля. Пути и средства сообщения. При господстве натуральных хозяйственных отношений в массе сельского населения и слабом развитии промышленности и городов, торговля, естественно, должна была иметь небольшие размеры, ограничиваясь удовлетворением местных потребностей и лишь в малой степени связывая край с центрами государства. Предметом вывоза служила пушнина, в небольших количествах конский волос и из Минусинского округа выгонялся скот в Иркутскую губернию; ввоз состоял из различных произведений обрабатывающей промышленности, особенно мануфактуры. При малочисленности и малой предпримчивости местного купечества, „торговля с Россией“ находилась и при Степанове, и после него почти всецело в руках выходцев из Владимирской губернии, которые, начиная с разносного и развозного торга по деревням, быстро приобретали капитал и открывали постоянные лавки в городах. Внутри губернии основной формой торговли был в начале разнос

(коробейники) или развоз с продажей на наличные или в обмен. Но постепенно в более крупных селах стали устраиваться и постоянные лавки, а затем с 80 годов одна за другой открываются ярмарки и регулярные базары, число и продолжительность которых возрастает. В 90 годах ярмарок было уже 12 (по 1 в Красноярском и Канском округах, 7 в Ачинском и 3 в Минусинском) из которых наибольшее значение имели в Балахте, Абаканском и Ужуле. Однако при отсутствии удобных путей сообщения и слабом развитии экономической жизни эти торговые с'езды не могли получить больших размеров.

На самом деле единственным удобным путем могла быть река Енисей, особенно когда с 1863 года в низовьях, а с 1883 г. на среднем плесе и вплоть до Минусинска стали ходить пароходы и все время развивался сплав различных грузов. Кроме водных путей сообщений важное значение имел, особенно для хлебной торговли, Московский тракт (Ачинск—Канск), как благодаря извозу, так и продажей на восток в Нижнеудинский округ. Из других трактов имели торговое значение: 1) Красноярск—Енисейский, по которому хлеб шел от с. Казачинского на север, 2) Старо-Ачинский (на Енисейск) по которому от Бирюлюс шла в Енисейск мануфактура и бакалейные товары, а из Енисейска пушнина; тракт же Ачинск—Минусинск торгового значения почти не имел.

Этим и исчерпывались все улучшенные пути, а большая часть торгового движения шла по обыкновенным проселочным дорогам с полной бездорожицей осенью и весной. Из этих путей отмечается один от Канска на север через Устьянское, Тасееву и далее на прииска (провод хлеба) и два пути на Минусинск от Ачинска через Ужур или Новоселову и затем ряд проселочных дорог на прииска с зимовьями по дороге. Надо прибавить к этому еще отсутствие мостов на большей части дорог и затруднения при переправе через большие реки. Напомним, что даже в Красноярске на большом торговом пути очень долго переправа совершилась на веслах карбазами и только в 1872 г. былпущен в ход—плашкот-самолет.

Мясная торговля, значительная в крае, пробила через тайгу свои особые скотопрогонные тракты: 1) из Усинского края через Григорьевку и Ермаково, 2) из Минусинска через Идру на р. Сисим и Ману в Канский округ и 3) из Ачинского округа в Красноярск через верховья р. Бирюсы.

Наконец целый ряд местностей совсем не имел никаких дорог и сообщение с ними поддерживалось только верхом выюками или зимой пешком на лыжах. И ясно, что такое состояние путей сообщения, и вообще должно было задерживать развитие народного хозяйства края. Вот почему проведение железной дороги было гранью нового периода нашей истории.

Общественный строй
Енисейской губернии
в 19 веке.

§ 1. Общий характер общественной группировки. Изучение хозяйственной жизни края уже должно привести к мысли о несложности общественного состава. И действительно за исключением небольшой группы золотопромышленников, вдруг ставших на несколько десятков лет во главе общества и не связанных органически с его развитием,

мы вплоть до проведения железной дороги находим очень мало различий внутри общества.

В 30 годах А. П. Степанов („Енисейская губерния“), (говоря о составе населения Енисейской губернии, отметил решительное преобладание сельского населения даже в окружных городах края. Такое же положение сохраняется в течение всего 19 века с тем, что по мере водворения все новых и новых масс ссыльных в крае образуется значительный кадр неполноправного элемента, понижавшего общий тон общественной жизни и создававшие худшие правовые условия и для близкой к нему крестьянской массы. Несравненно меньшее значение чем раньше имела группа крепостных, не игравшая в обществе никакой роли (около 3 проц. в начале 19 века и 0.5 проц. в 1861—1863 г.г.) (Степанов дает цифру 56, но она ниже фактических данных по одному Красноярску). Наконец и городское общество само было расслоено лишь в малой степени. Отсюда первым и общим впечатлением, которое производит общественный строй 19 века в Енисейском крае, явится крайняя простота обществ. состава и медленность развития новых общественных группировок.

§ 2. *Городские поселения.* Начинаем с городского населения. Ва главе его стоит чиновничество, в общем даже в губернском городе немногочисленное, но державшее в своих руках и по своему культурному развитию превосходившие остальные общественные группы. Можно даже сказать, что очень долго оно даже почти совпадало с городскою интеллигенцией, причем в первую половину периода наиболее культурным элементом являлись в общем приезжие из России, среди которых бывали и не только образованные люди, но даже люди, причастные к литературе. Конечно, в губернском городе сосредоточилась лучшая часть чиновничества, в уездных оно было слабее и по числу и особенно по качеству, но и там среди него всегда были люди порядочные и культурные, в чем убедились в свое время и декабристы, и Буташевич-Петрашевский и ссыльные позднейших лет. *) Конечно, не было недостатка и в людях иных качеств, в любителях наживы и произвола и на это у нас также имеется много самых определенных свидетельств.

Постепенно рядом с этой высшую группой сложилась и разночинная интеллигенция. Первыми ее представителями были ссыльные декабристы и поляки повстанцы 1831 и 1863 г.г., а затем ссыльные политические и уголовные, золотопромышленники и лица свободных профессий и преподавательский состав, хотя и немногочисленный, местных учебных заведений. Влияние этой группы становится заметным уже в 60 годах и прежде всего оно оказывается в развитии общественной жизни и культурной работы, а затем и в борьбе за господство в городских думах.

Торговопромышленные группы были невелики и не организованы. Не обладая крупными капиталами, при слабом развитии промыш-

*) См. Беляев А. П. Воспоминания, и Гершензон. Декабрист. Кривцов—о Минусинском об—ве; Смирнов. Декабристы в Красноярске (Сибирские огни 1925 г. № 3); Пантелеев Л. Ф. Воспоминания—об Енисейском и т. д.

ленности и торговли в крае, они отличались крайне слабою предприимчивостью и в хозяйственном, и в политическом отношении и легко подчинялись противоречивым влияниям власти и интеллигенции. Вдобавок состав этих групп быстро обновлялся притоком пришельцев из России, особенно Владимирских уроженцев, легко составлявших здесь себе состояния, параллельно исчезновению старых торговых семей, и только в Енисейске сохранялось несколько купеческих династий, игравших роль в торговле на протяжении столетия.

Наиболее многочисленною, но совершенно не влиятельною группою являлись мещане, в значительном большинстве занимавшиеся хлебопашеством и извозом. Так же мало значения имели и разного рода пришлье рабочие (плотники, пекари, штукатуры и т. д.), большей частью приходившие из Европейской России и обслуживавшие свою работой целый край и особенно, конечно города.

Наконец особую группу с рядом подразделений составляли многочисленные в городах (до 3—6 проп. в 1890 г.) ссыльные. Наиболее образованные и энергичные из них поднимались в верхи местного общества, имели прииска, занимались адвокатурой, торговали, занимались подрядами и благоденствовали. Другие шли на частную службу, смотря по способностям и умению, а наиболее слабые перебивались разного рода случайными заработками до краж и грабежей и нередко опять попадали в тюрьму. При полном отсутствии наемной прислуги и крайнем недостатке не только искусств, а вообще ремесленников, они удовлетворяли потребности общества и в прислуге и в представителях ремесла, причем начиная с 20 годов и очень долго в Красноярске держался порядок организации рабочих домов, в которых ссыльные работали по специальностям все необходимые изделия вплоть до мебели и экипажей, часть же ссыльных прямо назначалась в услужение к чиновникам, а нерадивых хозяева отправляли в полицию с записками для телесного наказания и придания им усердия. Получалась своего рода крепостная зависимость, избавиться от которой было чрезвычайно трудно и которой умели пользоваться наниматели. Из этой же группы выходили и вольные ремесленники (ремесленниках поляках мы уже говорили) и она пополняла кадры воров и разбойников, грабивших обозы и проезжающих на большой дороге (чаерезы и др.) и орудовавших по амбарам темной ночью.

Для полноты нужно еще упомянуть о настоящих крепостных, дворовых, которые в небольшом количестве существовали в городах. В 1786 году по архивным данным мы насчитали 7 владельцев в Красноярске, с 56 крепостными душами; в 1830 г. крепостных у 38 владельцев было 112 душ, причем положение крепостных, повидимому, было настолько обеспеченным, что девушки подгородних деревень выходили замуж за крепостных, тогда как почти не встречается указаний на браки ссыльно-поселенцев с крестьянками, и поселенцам приходилось искать подругу жизни из ссыльных же „женок“. С учреждением губерний крепостных женского пола стало больше, и у новых владельцев—чиновников приезжих обычно имелось по одной крепостной „девке“ вполне определенного положения. 1861 г. положил крепостному праву в Енисейской губернии конец и последние крепостные получили свободу.

§ 3. Сельское население. Сельское население составляло основную массу (до 91.9 проц. в 1823 г. 91.3 проц. в 1893 г.). В общем оно было более или менее однородным, хотя все же были различия и среди сельского населения, так что по хозяйственным и юридическим признакам мы можем разделить по крайней мере на 5 основных групп, это: крестьяне, казаки, посторонние, инородцы и наконец поселенцы. Общее же количество разрядов официально доходило до 18, независимо от различий, обуславливаемых явлениями экономическими.

Основной и наиболее многочисленный разряд, это крестьянство, которое распадалось на группы разного хозяйственного склада и разной психологии: прежде всего крестьяне—старожилы, в продолжение ряда поколений жившие в крае, хорошо освоившиеся с его природой и отвечающими ей приемами хозяйства. Поэтому они отличались в общем благосостоянием и даже выделяли сильные хозяйствственные группы, идущие по пути подчинения себе окружающих вплоть до прямого и продолжительного их закабаления. Следом за этой группой идут: крестьяне из казаков, почти сливаясь с нею и отличаясь разве большим наделом и большею самостоятельностью в распоряжении им (крестьяне—собственники), что уравновешивается меньшою активностью; бывшие крестьяне из поселенческих детей, группа занимающая второе место по количеству, но сравнительно слабая по экономической мощности, как слаб и зависим тот поселенческий слой, из которого она происходила; в) группа все более многочисленная и значение которой в 50 годах становится уже крупным—вольные переселенцы из Европейской России. Эта последняя группа в Енисейском крае, как и вообще в Сибири далеко не сразу смешивалась с старожилами, как по образу жизни, так и по правам, а напротив в большинстве случаев группы новоселов, если они не образовывали самостоятельных обществ, оставались на положении неполноправных и подвергались прижимкам и прямой эксплоатации со стороны старожильческого большинства деревни. Разница между этими разрядами и их еще более мелкими делениями заключается в размерах прав участия в мирских делах и в отношении их к праву на землю, которую они обрабатывают.

Вторая самостоятельная группа это казаки. Численно она невелика (от 2,4 проц. до 0,3 проц., по уездам в 1890 г.), но определенно отличается как полу военное сословие от прочей сельской массы, будучи лишь до некоторой степени подведомственной волостным правлениям. Состав казаков значительно изменился против 18 века, как неоднократно изменялось и их служебное положение. Ко времени учреждения Енисейской губернии казачий состав постепенно распылился по отдельным селениям. С 1823 г. решено было собрать казаков вместе и был организован особый Енисейский казачий полк. Боевая организация его впрочем была довольно слаба и казаки употреблялись преимущественно в качестве внутренней государственной стражи. Так вторая сотня его долго находилась в Туруханске и его районе; с развитием золотопромышленности казаки наблюдали за порядком в приисковом районе, охраняли южную границу и т. д. и ни в одном походе вплоть до 1900 года Енисейские казаки участия не

принимали. Имея свое станичное управление и выборных станичных властей (командный состав был по назначению, хотя преимущественно из местного казачьего населения), казаки получили 30 дес. земельные наделы и были таким образом хорошо обеспечены. Не составляя одной сплошной территории, поселения казаков были расположены преимущественно в Минусинском (в 1890 г. вместе с крестьянами из казаков, 3.2 проц. всего сельского населения) и в меньшей степени в Красноярском округах (1.4 проц.), в остальных казаков было мало. После уничтожения в 1870 г. Енисейского и Иркутского казачьих полков, часть казаков была обращена в крестьяне и процент казаков значительно уменьшился в Минусинском уезде, где осталась главная их масса, и упал вдвое в остальных уездах. Вместе с этим изменилось и юридическое положение казачества.

Третья большая группа сельского населения — туземцы, носившие официально название инородцев. Они делились по Сибирскому учреждению Сперанского на оседлых, кочевых (на юге) и бродячих (на севере). Оседлые инородцы в правах и обязанностях были сравняны с русским населением, а кочевые составили особое сословие, с особым управлением по степным обычаям, и с сохранением занимаемой ими территории. Наконец бродячие (таежные и тундровые) инородцы получили также свое особое родовое управление родонаучальниками. Все инородцы сохраняли право на освобождение от рекрутской повинности и на местные власти вплоть до губернатора, возлагалось попечение о благосостоянии инородцев. Изданное в 1826 г. положение об ясачных комиссиях, сохранив и определив их права и обязанности, ставило задачу доставить более удобства к сбыту произведений и легкости податей. По прежнему и в 19 веке продолжалась и политика охраны ясачных инородцев от притока русских переселенцев и поборов местной власти. Однако жизнь складывалась не совсем так как предполагали сверху, а русские колонисты все время проникали различными путями в инородческие районы, развивая в жестокой иногда степени эксплуатацию инородцев северных и расширяя область русского земледельческого хозяйства среди инородцев южных. В результате обоих этих процессов значительная часть инородцев совершенно обрусила, и, перейдя в крестьяне, вышла из своих прежних родовых связей, а часть бывшей инородческой территории оказалась к концу периода уже сплошь занятой русскими, так что круг собственно инородческих общественных порядков постепенно сжался.

Группа посторонних не входила в состав местных сельских обществ. Она была представлена: а) мещанами и бывшими поселенцами, проживавшими вне своих волостей и уездов, б) крестьянами, приехавшими из других округов Енисейской и др. губерний, в) духовенством и чиновниками, г) казаками, е) политическими ссылочными и лицами неизвестного звания. Они занимаются земледелием и вообще сельским хозяйством в ограниченном размере. Духовенство и чиновников обеспечивает их служба, мещане занимаются преимущественно торговлей и промыслами, поселенцы, как элемент крайне подвижной и мало способный к оседлой жизни, тоже чаще всего избегают систематического труда, связанного с заведением постоянной оседлости.

сти и собственного хозяйства. С другой стороны посторонние, как таковые, не имеют никаких юридических прав на земельные угодья и если и пользуются ими, то разве на известных условиях („Материалы“ 1890 г., IV—2, 98). Не считая духовенства и чиновников и торгующих посторонние были обеспечены очень слабо по сравнению с старожилами и существовали главным образом батрачеством или промыслом.

Совершенно особенное положение занимала пятая группа—ссыльных крупная по численности (16 проц.) в Красноярском уезде и в Канском (13,4 проц.) и последняя по своим правам и хозяйственной силе. Особняком стояли ссыльные политические, поляки повстанцы 1831 и 1863 г.г. и др. Их было немного *) и по своему культурному уровню и уменью держать себя они настолько выделялись из общей массы окружающих, что невольно им доставалось видное место в деревенском обществе и само местное начальство перед ними пасовало. Основная же группа—поселенцы из ссыльных уголовных, или лиц предосудительного поведения, ссылаемых по общественным приговорам.

Приходя в край без всяких средств к существованию и встречая недоброжелательство и презрительное отношение со стороны старожильческого населения, они первое время, а многие и всю жизнь мыкались изо двора во двор в поисках работы и далеко не все могли жениться и завести свое собственное хозяйство. Поэтому они представляли самое неусидчивое население, громадный процент их всегда находился в безвестной отлучке, многие уходили на заработки на прииска и в города, да и оставшиеся в деревне в поисках работы тоже снимались с места и обычно третья часть даже этих последних жила не на месте приписки. К этому надо добавить их приниженное юридическое положение, ставившее их в полную зависимость от полиции и местного сельского начальства, и бедность, часто приводившую их к закабалению.

Для полноты упомянем еще о крепостном крестьянстве. Крепостных было три поселения: д. Тигина помещика Родюкова, стеклянный завод Коновалова, оба в Красноярском уезде и с. Христорождественское насл. Самойлова в Канском. Кроме этих крепостных местных были еще дворовые, жившие со своими господами, а с открытием золота умножилось число крепостных, приходивших на прииска по оброку или привозимых помещиком. В общем однако крепостных было немного (в 1863 г. 519 чел.) и положение их было лучше, чем в Европейской России, так как в Сибири было трудно поймать беглого и это сдерживало произвол помещика. 1861 год положил конец рабству.

Эти различия общественного состава усиливались тем, что к неравенству юридическому надо присоединить еще неравенство и экономическое со всеми вытекающими отсюда последствиями. В условиях Сибирской жизни неравенство приводило нередко к установлению кабальных отношений, особенно там, где с русским старожиль-

*) В 1864—67 г. поступило в губернию 2227 ч., большую частью из непривилегированных сословий.

ческим населением соприкасалось многочисленное ссыльное население или северные туземцы (южные сохраняли свою экономическую самостоятельность лучше и здесь отношения кабалы если и существовали, то преимущественно внутри этнографической группы. Общеизвестна жестокая эксплоатация инородцев Туруханского края отдельными предпринимателями и положение рабочих на золотых приисках. Путем выдачи задатков закрепощали и крестьян при перевозке грузов на приска (Кривошапкин, Семевский). Но особенно распространенным явлением был наем годовых рабочих с выдачею денег вперед и переводом задолженности образовавшейся за год дальше и дальше, практиковавшийся богатыми крестьянами и создававший долгосрочную зависимость немногим лучше настоящего крепостного права. Известным приемом было также внесение мироедами денег за недоплатников, после чего местная полиция и отправляла должников в работу до покрытия долга. Против кабальных отношений в Сибири восставал еще Сперанский, но в тех или иных формах они сохранялись в течение всего 19 века, поскольку область приложения труда в соответствии с низким уровнем экономического развития оставалась узкой.

Наконец все перечисленные черты общественных отношений в Енисейском крае можно дополнить еще одной: при значительной изолированности округов, отделенных один от другого горами и полосой тайги, состав общественных групп по округам оказался очень различным и если в Минусинском округе был наибольший процент инородцев и новоселов, то в Красноярском округе был высший процент старожилов и ссыльных при почти полном отсутствии инородцев и городское население пользовалось и наибольшим влиянием, в то время как Канский, подходя к нему в других отношениях, превосходит числом переселенцев и крестьян из поселенческих детей, а Ачинский занимает средину между Канским и Минусинским. Наконец в Енисейском округе, наименее населенном, а поэтому наиболее отсталом в экономическом отношении мы находим при значительном количестве бродячих инородцев наиболее крупную в крае группу промышленных рабочих, а именно рабочих золотых приисков, в числе до 14398 в 60 годах и 7916 в 1890 г. (Волости и населенные места Енисейской губернии).

Эта последняя группа целиком не примыкающая ни к городскому ни к сельскому населению края, всегда имела очень пестрый состав. В нее входили и ссыльно-поселенцы и беглые и крестьяне всех округов края и до 1861 года даже в большом количестве помещичьи крестьяне, переведенные сюда их владельцами жестокия условия работы и жизни на приисках с одной стороны, возможность больших заработка в сравнительно короткое время, сплачивали эту разнородную массу и создавали особый тип рабочего—приискателя, жадного до заработка, но быстро спускавшего заработанное в угаре последующего за выходом с приисков безудержного кутежа.

Эта самая быстрота проживания нажитого тяжелым приисковым трудом заработка, приводила к тому, что громадное большинство рабочих возвращалось в свою деревню и вообще в жилые места без всяких средств к существованию и сливалось с низшими слоями де-

ревенского населения до нового ухода на прииска. Вместе с этим изолированность приисковых районов и удаленность их от основных сельско-хозяйственных районов приводили к тому, что группа приисковых рабочих не участвовала в общей жизни населения и стояла совершенно особняком.

Гл. 10-ая. Культурная жизнь Енисейского края в 19 веке. Для характеристики культурной жизни края в 19 веке показателями являются: 1) состояние школ и грамотности, 2) развитие научной и литературной деятельности и 3) характер и размеры общественного движения.

§ 1. Школа и грамотность. Здесь наблюдается улучшение, чем далее, тем более быстрое. От предыдущего периода край почти не унаследовал регулярных казенных школ, и все о чем мы знаем, это 1) уездные училища, одно в Енисейске, в 1818 г. преобразованное из малого народного училища, основанного в 1790 г., и Красноярское, открытое в 1817 г., 2) приходское духовное училище в Енисейске, тогда как в Красноярске подобная же школа существовала с перерывами с 1763 г. и по крайней мере до 20 годов 19-го века. Других школ к 1820 г. повидимому не было ни в городах, ни в округах.

При Степанове в Красноярске было два училища гражданских, 1 приходское и 1 уездное и 1 духовное, 1 военное с 572 учащ. кантонистами и казачья школа; в Енисейске два гражданских начальных и 1 уездное с 52 учащимися духовное приходское с 42 учениками только духовного звания. Кроме того сагайские татары получили разрешение открыть у себя приходское училище для начальной грамоты, первую сельскую начальную школу в крае, а в Ачинске и Канске были выстроены частными лицами дома для училищ, но за отсутствием учителей и, вероятно, средств на содержание, школы не действовали.

Таким образом перед нами лишь начатки образования, да и те сосредоточены в городах, деревня же школ не имела.

В 1832 г. открывается уездное училище в Ачинске, 1848 г. открылся на частные средства Владимирский приют в Красноярске— первое женское училище в губернии (впрочем туда принимали и мальчиков).

Дальнейшие успехи народного образования видно из следующего. В 1853 г. было 3 уездных училища в Красноярске, Ачинске и Енисейске, 2 приходских училища в Енисейске, 1 в Красноярске, Владимирский приют и духовное училище в Енисейске, повидимому не принятые в расчет у Латкина (стр. 282), у которого мы заимствовали эти цифры; где находились сельские школы неизвестно. В 1862 году число уездных училищ остается без перемены, приходские отмечены уже во всех городах, а в Енисейске даже два и сверх них в Красноярске Владимирский приют и переведенное из Енисейска в 1856 г. духовное училище, в уездах уже насчитывается 15 училищ с 302 учащимися, из которых одно с 22 учащ. в Красноярском округе, 1 с 40 учащ. в Канском, 5 с 80 учащ. в Енисейском, 4 с 75 учащ. в Ачинском и 4 с 85 учащ. в Минусинском, причем по словам Н. В. Латкина, большинство сельских школ было очень дурно обставлено и име-

ли очень незавидных учителей, не внушающих населению доверия. В 1861—1865 г.г. св. Рачковским содержалось училище для девочек с пособием от известного М. К. Сидорова. В 1863 г. открыто женское духовное училище при Енисейском монастыре, существовавшее до 1886 г. С 1862 по 1864 г. число школ и учеников возросло до:

В Красноярском уезде . . 5 с	72 учениками
” Канском . . 9 с	153 ученик. и 20 ученицами.
” Енисейском . . 6 с	63 учениками.
” Ачинском . . 4 с	76 учениками.
” Минусинском . . 4 с	98 учениками.

Всего 28 школ с 462 учащимися и 20 ученицами, и кроме того было 10 казачьих школ с 342 учениками: одна в Красноярске с 13 учен., 6 в Красноярском уезде с 165 учениками, 1 в Ачинском с 24 ученик., и 2 в Минусинском со 140 учен. Всего в губернии было без Владимирского приюта 58 школ низшего разряда с 1342 учениками и 229 ученицами. Школ для среднего образования не существовало во-все (Латкин).

60 и 70 годы отмечены развитием среднего образования. В 1868 г. открывается по инициативе П. Н. Замятнина в Красноярске мужская гимназия; в 1869 г. женская под именем женского училища министерства народного просвещения II разряда, та и другая на собранные среди населения средства, в 1872 г. женская прогимназия в Енисейске, в 1873 г. учительская семинария в Красноярске, в 1876 г. мужская прогимназия в Енисейске, в 1889 г. женские прогимназии в Ачинске и Минусинске.

Всего к 1895 г. было в губернии средних школ: мужских 2 и 1 специальная; женских 2 гимназии и 2 четырехклассных прогимназии и епархиальное училище с общим числом учащихся обоего пола 1103. Прообразование представлено было только одним ремесленным училищем в Красноярске, открытym по инициативе частной в 1874 г.

Слабее развивалось образование начальное. В связи с расформированием в 1870 г. Енисейского казачьего полка, прекратило свое существование и 10 казачьих школ, а их место лишь постепенно занималось народными училищами, открывавшимися как мин. нар. просвещения, так и духовным ведомством, причем в 1882 г. тех и других вместе было только 39, т. е. всего на 1 больше чем в 1864 году, хотя число учащихся выросло на 25 проц. В 1889 г. было школ в округах уже 136 с 2866 учащимися, в том числе 718 девочек. При этом школы министерские имели в среднем по 35 учащихся, в том числе по 8 учениц, тогда как школы духовного ведомства всего в среднем по 13 учащихся, в том числе по $2\frac{1}{2}$ ученицы. Это обяснялось несравненно лучшею постановкой дела в первых и лучшею подготовкою учителей. В 1893 году было в уездах школ: 174 с 4469 уч.. в том числе 1157 дев., и в городах 27 нач. школ с 1652 уч. (в т. ч. 521 дев.), при чем в одном Красноярске было больше учащихся, чем в 4 окружных городах и в частности вдвоё больше девочек. Всего по губернии состояло в 1893 г. 210 школ с 7224 уч. об. пола и число учащихся начало в 90-х годах быстро возрастать, особенно в деревне.

В общем дело народного образования развивалось медленно и потребность покрывалась лишь в очень слабой мере. Этим и обясняется чрезвычайно долгое существование даже и наряду с казенными небольших частных школ. Такие школы отмечаются очень редко в литературе, но фактически они несомненно имели очень большое распространение во все эпохи нашей местной истории, менялся только личный состав учителей. То это были церковные дьячки и отставные солдаты, то в роли учителей выступали декабристы (бр. Беляевы и Мозгалевский в Минусинске, Шаховской в Туруханске) и ссыльные поляки, то какая нибудь „г-жа Г.“ в Минусинске в 1858—1859 гг., то „мадмуазель Жюли“ в 60 годах в Красноярске, то писатель Шашков в 1862 г. в Красноярске же и т. д. Вообще даже и в городах в 60—70 годах и позднее всегда можно было найти частных учителей и учительниц, обучавших ребят за 1 р. 50 к. в месяц грамоте и кое чему сверх этого по возможности. В деревнях таких школ было довольно много и в таких школах по данным конца 80-годов обучалось в 4 уездах не менее 937 человек или 37 проц. учащихся.

Учителя в них были главным образом ссыльные; плата взималась в конце 80-годов от 40 коп. до 1 руб. с учащегося и кроме того учитель получал от родителей прокормление и поочередно квартиру. Обучение происходило от „Покрова“ и до „Пасхи“. Любопытно, что несмотря на некоторые преимущества, которые давала казенная школа и на ее бесплатность или по крайней мере большую дешевизну, население относилось к ней безучастно или прямо враждебно, обыкновенно отдавая предпочтение своим частным школам. Основаниями для такого предпочтения были: 1) обучение на дому, более школьного приспособленное к быту и привычкам крестьянства, меньшая продолжительность курса учения и согласованность с удобствами родителей и 2) возможность для родителей регулярно контролировать достигаемые успехи.

В общем итоге, как показало обследование 1889—1890 г.г. в 4 уездах на 386280 душ русского населения приходилось учащихся 2253 м. и 451 дев., всего 2704 или на 1000 душ 15 мальч. и 3 дев., а у южных туземцев в Канском уезде на 187 ни одного, в Ачинском на 6666 душ 33 уч. и Минусинском на 23416 68 учеников, что и не удивительно, так как на 3000 туземцев было всего 2 министерских и 3 церковно-приходских школы, да и частное обучение у них было развито меньше.

Однако несмотря на малое развитие школьного дела грамотность в местном населении широко распространена, особенно по сравнению с губерниями Европейской России. Еще в 30 годах Степанов отмечал, что здесь грамотных много „даже среди женщин“. Тоже отмечают и позднейшие наблюдатели, *) а перепись 1889 г. даже дала точные цифры:

Процент грамотности среди старожилов	. 21.2
" " крестьян из казаков	. 27.6
" " " поселен.	. 21.8

*) Ср. Завалишин Опис. Зап. Сибири 1862 г. (стр. 77): „в Сибири все мещане грамотны за очень малыми исключениями, множество грамотных и между крестьянами“.

Процент грамотности поселенцев	19.1
" " новоселов	28.3
" " иностранцев	5.5
" " казаков	53.9

На 1 грам. хозяйство было учащихся:

у старожилов	0.21	мальч.,	0.4	девочек.
" " крестьян из казаков . . .	0.8	"	0.6	"
" " поселенцев	0.2	"	0.04	"
" " новоселов	0.11	"	0.01	"
" " казаков	0.12	"	0.04	"

Вместе с тем процент хозяйств с грамотными по 4 уездам равнялся 20.2 проц. Однако среди волостного и сельского начальства процент грамотных падает до 14.8, причем волостные старшины 37.4, помощников 19.5 и сельских старост 11.8. Очевидно грамотные неохотно шли на выборные должности за исключением сравнительно самостоятельной должности старшины.

Общее развитие населения, особенно старожилов, по общему отзыву всех наблюдателей было довольно высоким, и предприимчивость, умение ориентироваться во всяком деле, быстрое усвоение полезных нововведений достаточно известны.

§ 2. *Научная и литературная работа.* Однако только на развитии грамотности остановиться нельзя. Если в Енисейской губернии на протяжении всей ее истории было мало школ, особенно повышенного типа, то в 19 веке в крае уже был на лицо известный круг лиц, с образованием и даже стремлением к научной деятельности. С открытием Енисейской губернии в Красноярске появился из России ряд высших чиновников, несомненно превосходивших местных жителей своим образованием. Таковы были А. П. Степанов (проезжавшие через Красноярск ученые иностранцы Эрман и Ганстен с большим интересом отмечали, в какой культурной обстановке жил этот замечательный человек—его богатые краеведческие коллекции, новые журналы и книги, его литературные вечеринки), первый губернатор края, известный писатель и автор книги „Енисейская губерния“ Турчанинов—знаменитый ботаник, председатель казенной палаты Пестов, оставилший „Записки об Енисейской губернии“; председатель суда Мартос; даже в Минусинском уезде оказались люди с образованием и интересом к литературе. Таков А. К. Кузьмин, окружной начальник писавший даже стихи и бывший издателем „Енисейского Альманаха“, в котором приняли участия 11 местных авторов (в 1828 г.); И. П. Голенищев-Кутузов в с. Шушенском оказался вполне ровнею декабристам. Да и все время в дальнейшем многие приезжавшие из России на службу в Сибирь чиновники привозили с собой и новые взгляды и новые отношения к людям и хотя многие из них вызывали недружелюбную кличуку „навозные“, однако в общем пришлый элемент несомненно в значительной мере являлся цивилизующим. Напомним, что позднее в числе этих приезжих были этнограф—начальник Минусинского округа кн. Костров, в 50-х годах д-р Кривошапкин (Енисейский округ и его жизнь). Третьяков (Туруханский край 1870 г.);

археологи И. Т. Савенков и А. С. Еленев; геолог Златковский и многие другие.

Второю группою распространителей культуры являлись ссыльные как по суду, так со второй половины столетия и административные и политические. Уже отмечена работа многих ссыльно-поселенцев по насаждению грамоты в деревнях. Должно было сказываться их влияние и в других областях. Так среди них часто встречались люди с большими знаниями и развитием. Не бесследно прошли и декабристы. Из 30 декабристов, которых можно приурочить к нашему краю, часть была связана с ним долго и мы имеем данные, что В. Л. Давыдов (ум. 1855 г.) пользовался в Красноярске большим уважением и положил начало кружкам самообразования; у М. Ф. Митькова (ум. в 1849 г.) была хорошая библиотека; Спиридов М. М. даже среди декабристов выдавался своим образованием; Беляевы и Крюковы стояли в центре Минусинского общества, и под их влиянием в окружающим о-ве развивалось стремление к просвещению и даже в такой степени, что саянская казачка, на которой женился П. И. Фаленберг (декабрист), могла стать наравне с людьми получившими систематическое образование в Европейской России. Мы ничего не знаем о поляках, сосланных за 30 год в Енисейский край, но группа их должна быть и в Енисейской губернии, а влияние ссыльных 1830 г. вообще в Сибири было значительно. Сказывалось в крае и влияние кружка Петрашевского, которому в свое время в Петербурге были прикоснувшись студент П. Латкин, сын местного золотопромышленника Латкина, и компаньон Латкина Черносвитов. Несколько лет спустя (1860—1866) большим влиянием пользовался сам Петрашевский в Минусинске, куда он был переведен из Иркутска, и в Красноярске, где он проживал по болезни. Много дали поляки, сосланные в 1861—63 г.г. среди которых, как указывал еще Муравьев-Амурский, было много образованных людей, и наконец все усиливающаяся "высылка" неблагонадежных элементов пополняла местные кадры домашних учителей, а позднее журналистов и др. профессий интеллигентного труда.

Нет ничего удивительного, что под такими влияниями начала создаваться и местная интеллигенция, с начала набиравшаяся новых взглядов путем бесед с образованными людьми и чтением лучших журналов и газет, затем окончившая среднюю, а потом и высшую школу. Уже при открытии Красноярской гимназии нашлись учителя — местные уроженцы, например о Н. К. Кузьмине сохранились лучшие воспоминания, а затем начали выпускать более или менее образованных людей и открывавшиеся вновь школы. Всего за 25 лет до 1893 г. окончило одну Красноярскую мужскую гимназию 144 человека. За 75 лет край дал и вообще целый ряд выдающихся работников в области науки, искусства и литературу, как художник В. И. Суриков, композитор В. И. Ребиков, ученый востоковед Н. Ф. Катаев, богослов В. Плотников, проф. доктор С. М. Лукьянов, почтовед и этнограф А. А. Ярилов, геолог И. А. Лопатин и много других. Но вместе с этим десятки и сотни лиц остались и для местной работы и их стараниями развивалась местная жизнь.

В 1876 г. провизором Н. М. Мартыновым начал собираться материал, послуживший для прославившего его имя Минусинского му-

зея; в 1883 г. Н. В. Скорняковым и А. И. Кытмановым открыт музей в Енисейске; в 1889 г. благодаря инициативе И. А. и Ю. П. Матвеевых в Красноярске. Медленно, постепенно выросло и библиотечное дело. Первая была открыта еще при Степанове в Красноярске и на собранные деньги был для нее приобретен дом на Большой улице. Однако получала она только казенные издания и очень небольшое пособие от гор. думы, поэтому интерес публики был ничтожен и когда думе было запрещено давать пособие библиотеке, она должна была за неимением средств закрыться и вскоре слилась с библиотекой золотопромышленников. Однако и эта последняя развивалась слабо и после некоторого периода под'ема была передана общественному собранию и мало по малу перестала быть общественной. Тогда на частные средства создалась новая библиотека (Парфентьевская), в 1889 г. переданная городу и существующая и до настоящего времени. Развились библиотеки и при музеях Минусинском и Енисейском, наряду с ними существовали и частные библиотеки и кабинеты для чтения, как Скорнякова в Енисейске и потом в Красноярске, Комарова в Красноярске и др.

Играла роль в оживлении общественной жизни и местная печать. Первым повременным изданием губернии были „Енисейские Губернские Ведомости“, начавшие выходить с 1857 г. и до появления частной печати привлекавшие сотрудников добровольных и в не официальной части дававшие материал как по изучению края в его прошлом и настоящем (статьи д-ра Можарова, Кривошапкина, кн. Кострова и т. д.), так и общего содержания. Хотя Енисейские ведомости ни по содержанию, ни по искусству ведения не могли сравниться например с Иркутскими, постоянно печатавшими корреспонденции из Енисейской губернии, обличавшие местные непорядки, все же это был орган гласности, способствовавший умственному развитию своих читателей. С 1884 г. появляются Енисейские епархиальные ведомости, также в своей неофициальной части дававшие доступ местному творчеству и в частности статьям по изучению нашего прошлого. С 1889 г. наконец появляется и частная печать, сначала в виде „Справочного листка Енисейской губернии“, издававшегося Е. Ф. Кудрявцевым и затем преобразованного им в „Енисейский листок“ и наконец „Енисей“. Создается и специальное научное издание (с 1887 г.) — „Протоколы заседаний о-ва врачей Енисейской губернии“, в приложениях к которым напечатаны напр. статьи Савенкова по археологии Енисейского края. Памятные книжки, издававшиеся в 1863—1865 г.г. и затем уже регулярно с 1890 г. также давали материал краеведного характера. Наконец понемногу развивалось и местное издательство, хотя и без всякого плана и в малых размерах (книги Андриевича по истории Сибири, в издании Г. В. Юдина, брошюры и книги Н. Н. Бакая по истории Енисейского края, стихотворения местных поэтов Ф. Ф. Филимонова и М. В. Глебова и т. д.).

Общество оживлялось и это сейчас же сказывалось на размерах и качестве его научной и литературной работы.

§ 4. *Общественная жизнь и общественные движения.* До 60-х годов перед нами даже в губернском городе жизнь общественная еще слаба и в обществе состоявшем из чиновников и

ников, общественные связи выражались только в хождении в гости, обедах, карточной игре, танцах и выпивке. Только под влиянием декабристов появляются кружки для чтения книг, в 60 годах упоминают уже о театре, но только с 80 годов появляется уже настоящий живой интерес к общественным вопросам. С одной стороны учреждается ряд обществ благотворительного характера: 1) Синельниковское общество для помощи бедным города, открывшее столовую с отпуском бесплатных обедов, дом призрения для мальчиков сирот, где мальчики воспитывались и обучались ремеслам и помогавшее бедным жителям города другими способами; 2) общество вспомоществования учащимся Енисейской губерни, дававшее пособия учащимся, особенно в средней школе, путем взноса за них платы за учение, покупкою книг, одежды и пр.; 3) Общество попечения о начальном образовании, открывшее на свои средства с пособием гор. думы 5 начальных школ в период с 1885 г. по 1897 г. и одно только в это время ведшее внешкольную работу.

Наряду с этими организациями работу общественного воспитания вели о-во любителей музыки и литературы и выделившееся впоследствии из него о-во любителей драматического искусства; несмотря на малые размеры города и слабость его материальных средств, давшие Красноярскому о-ву за 80 и 90 годы ряд прекрасных драматических и музыкальных вечеров и даже опер и привлекшие Красноярцев к разумным развлечениям. Наконец местные врачи и натуралисты организовали с 1886 года о-во врачей и естествоиспытателей Енисейской губернии, печатавшее свои отчеты и протоколы заседаний. Значительно ранее этих обществ, ставивших себе известные специальные задачи, развивавшееся в обществе стремление к об'единению нашло себе оформление в устройстве клубов. В начале (с 40 годов) было только благородное собрание, включавшее только верхние общественные группы, затем в 70 годах основался мещанский клуб, об'единивший мелких чиновников, торговцев и пр. Когда же эти клубы соединились в одно общественное собрание, наиболее демократические группы, стесненные соседством начальства, выделились в Ремесленное собрание, существовавшее до 90 годов. Не будем хвалить эти клубы, в очень малой степени ведшие культурную работу и больше занимавшиеся картами, выпивкой и танцами, но все же это было об'единение хотя и в примитивной форме.

Но, конечно, наилучшую школой общественности была работа в учреждениях городского самоуправления, хотя для участия в них требовалось обладать определенным цензом, тем более что с распространением образования и среди цензовиков оказалось достаточно людей с образованием и культурными стремлениями. Если в начале 80 годов еще можно было говорить о господстве в городской думе „богатых Кондратов“, выбирая которых мало думали о качестве их головы, то уже в 90 годах этот принцип ослаблен, и думы без различия составов начали стремиться к расширению своей компетенции и к освобождению от административного гнета, что неизбежно привело к борьбе с администрацией, хотя первоначально и в довольно мирных формах.

Наконец внешним показателем роста общественности может слу-

жить увеличение пожертвований на общественную пользу. Начиная с 70 годов вдова золотопромышленника Т. И. Щеголова и ее наследники пожертвовали городу деньгами и зданиями до 400000 р., основав ремесленное училище, богадельню для престарелых и сиропитательный дом для девочек. Семья Кузнецовых пожертвовала десятки тысяч рублей на народное образование, в частности на женскую гимназию в Красноярске и отправку молодежи для получения высшего образования в России. Находились жертвователи и для других общеполезных начинаний, как-то постройка библиотеки, общедоступной лечебницы, постройки ночлежного дома и т. д. Да и самое возникновение учебных заведений в городах в 60 годах всегда происходило при больших пожертвованиях со стороны местного общества.

Таким образом к концу периода можно уже говорить о развитии духа общественности, впрочем, поскольку мы имеем дело с губернским городом Красноярском. При переходе к другим городам дело резко меняется. Еще Енисейск долгое время благодаря развитию золотопромышленности мог выделяться среди других наличностью и материальных средств и образованных людей, и открытие в 1883 г. на 6 лет ранее Красноярска музея и библиотеки по общественной инициативе и на частные пожертвования, а позднее открытие мужских и женских средних школ и о-ва попечения о начальном образовании показывали, что здесь был интерес к культурной работе. Но три остальных города в области общественности давали мало, оставаясь скорее селами, чем городами. Особое значение придавал Минусинску только музей, да все растущая высылка в Минусинский округ „политических“ создавала там кадр революционной интеллигенции, влиявшей на мировоззрение и местного общества.

§ 5. Заключение. Однако в общем характеристику положения могут служить слова Н. В. Латкина, относящиеся к 1890 г.: „по сравнению с прежним временем Енисейские городские общественные классы далеко ушли вперед и их умственный кругозор расширился. Надо только сожалеть, что народная масса все еще остается в громадном большинстве на очень низкой ступени образования и знакомится с ним так сказать косвенными путями через невольное тесное знакомство с поселенческим преступным элементом, имеющим на него неоспоримое влияние“, а это определило весь уровень общественной жизни края в начале 90 годов.

Гл. II. Период после железнодорожной дороги. Медленная, хотя и последовательная эволюция Енисейского края, совершившаяся с ростом населения и притоком новых людей „из России“, сразу ускорилась с проведением железной дороги.

Уже самый процесс постройки отразился и не только на придорожной полосе, но на довольно большем от нея удалении — на жизни местного населения, введя в оборот края большие денежные средства и сразу увеличив спрос на пищевые и другие продукты для нужд рабочих и служащих строившейся линии. Но, конечно, это временное оживление и связанный с ним быстрый подъем цен на продовольствие и другие предметы первой необходимости имели только малое зна-

чение, по сравнению с теми последствиями, какие железная дорога принесла с собой как для сибирского прежнего населения, так и для всего края в целом.

Прежде всего чрезвычайно облегчился доступ в пределы края и крестьянину—переселенцу, и промышленнику—деловому человеку и население губернии стало быстро увеличиваться, (за 10 лет с 1897 по 1917 г. вдвое с 570 тыс. на 1104 т. чел.) причем этот рост совершился за счет притока преимущественно выходцев из центральных и южных губерний, что привело к быстрому уменьшению процента туземного населения и должно с течением времени привести мирным путем к полному обрушению края и к изменению устронившегося здесь ранее русского типа. Особенно после революции 1905 г. и аграрного движения, имевшего целью переход помещичьих земель к крестьянству, усилилось движение вольных переселенцев, достигшее высшей точки в 1910 году. Всего с 1895 г. по 1918 г. в Енисейской губернии водворено было 212914 переселенцев, из которых только часть не сумела устроиться и вернулась обратно, а остальные в большей или меньшей степени, смотря по продолжительности пребывания наладили работу и успели достичь значительного благосостояния. Почти остановившееся за время революции и гражданской войны переселенческое движение теперь развивается вновь.

Водворение такого громадного количества новых земледельцев быстро привело к значительному увеличению площади, находящейся под земледелием, которая с 360 тыс. дес. 1890 г. дошла до 700 тыс. в 1917 г. Соответственные успехи сделало и скотоводство, и таким образом сельское хозяйство значительно прогрессировало с начала в отношении количественном, по площади занятой под посев, а затем и в направлении качества, т. е. применении усовершенствований, т. к. с утратою прежнего неограниченного земельного простора и началом земельного утеснения, пришлось даже старожилам от прежних способов обработки земли переходить к новым, применяя в известной степени и удобрение, и орошение, и общую мелиорацию земель, переходя к стальному плугу и машинам и изменения свой хоз. оборот путем введения новых растений или изменения соотношения между теми, которые возделывались ранее. Так увеличились посевы льна и конопли, выросли сравнительно с другими пшеничные посевы, стали укореняться посевы трав и посадки виктории, помидоров и пр. Но это развитие совершилось далеко не везде с одинаковой последовательностью. Если в течении всего 19 века наиболее привлекал к себе внимание переселенцев Минусинский округ, и в силу этого в конце предыдущего периода он оказался наиболее заселенным и развитым экономически, то проведение железной дороги способствовало перенесению центра тяжести на север в придорожную полосу, а с другой стороны и новые колонисты уже в меньшей степени интересовались этим, сравнительно с другими густо населенным районом и распльвались преимущественно в придорожных округах, особенно в Канском. Поэтому в 1914 г. отношение между округами изменилось уже в пользу Канска и Ачинска. Действительно населения насчитывалось:

	1897 г.	1914 г.
Ачинский уезд	111 тыс.	219 тыс.
Канский	96 "	309 "
Енисейский	67 "	78 "
Красноярский	99 "	200 "
Минусинский	182 "	307 "

Напротив Енисейский округ все более терял свое значение и население увеличивалось слабо и даже отчасти отсюда отливало на юг.

Если уже один только приток сотен тысяч новых жителей привел к значительному изменению местной экономики, то не меньшее влияние должно было иметь и дальнейшее их пребывание в пределах Приенисейского края. Значение старожилов, постепенно ставших только меньшинством в своей губернии, уменьшалось, местный рынок все время расширялся, так как по крайней мере первые года по переселении переселенцы, приобретая рабочий и домашний скот, предметы домашнего хоз. обзаведения и даже предметы продовольствия и одежды, являлись в большей степени потребителями, покупателями, чем производителями и конкурентами.

Вместе с этим с проведением железной дороги исчезла изолированность края, тормозившая ранее его развитие. Дорога связала край с общегосударственным и мировым хозяйством и местное х-во сначала вдоль линии дороги и берегов Енисея, а затем и в более далеких местах стало отходить от натуральной системы и все более отзываться на требования рынка, и помимо пушнины, бывшей основным предметом вывоза и ранее, создался спрос извне и даже из за границы на лесные материалы, кедровые орехи, хлеб, продукты скотоводства, битую дичь и пр. все это взятое вместе вносило в край новые материальные средства и содействовало развитию сельского х-ва во всех его отраслях. С другой стороны местное х-во стало испытывать влияние и западно-сиг. земледельческих районов и например ко времени империалистической войны крупчатка из Томска и Новониколаевска почти вытеснила в придорожных районах местную и Минусинскую, то же было с маслом. И этот ввоз продуктов сельского хозяйства все время проявлял тенденцию к дальнейшему увеличению.

Пострадало ли в общем местное крестьянское х-во от конкуренции запада, от перенаселения и перепроизводства хлеба, существуют различные мнения, но остается совершенно несомненным факт, что десятки тысяч чисто земледельческих х-в переселенцев возникли и развились в нашем kraе за эти 25 лет и что цифры площади посевов и количество скота возрастали с каждой новою переписью и с этим соединялось уменьшение процента безлозадных и беспосевных, все явления, свидетельствующие о развитии, а не об упадке. Правда средний размер крестьянского х-ва несколько уменьшился, даже среди старожилов, но параллельно отмечается дробление больших семей (А. Р. Шнейдер), что и об'ясняет факт.

Наряду с этим продолжали падать внеземледельческие промыслы, как охота, рыболовство и в притрактовых местностях извоз. Уничтожение лесов в интересах растущего земледелия и лесные пожары в

некоторых районах, усиление спроса на пушину и улучшение охотничьего оружия во всех, привели к большому оскудению всякого промыслового зверя и даже рыбные богатства при господстве хищнической эксплоатации стали уже истощаться, не смотря на сравнительно небольшие размеры рыболовства. Правда, в революционное время в связи с недостатком охотничьих припасов и упадком торговли, а отсюда уменьшением добычи, как будто бы количество зверя и рыбы начало восстанавливаться, но прежнего значения эти промыслы в общей жизни края иметь уже не смогут, хотя бы уже потому, что и население края значительно возрасло против прежнего, и продукция других отраслей х-ва выросла еще в большей степени. Упадок извозного промысла вполне просто об'ясняется развитием пароходных и железно-дорожных сообщений.

Напротив горное дело и различные отрасли обрабатывающей промышленности обнаруживают определенное стремление к развитию. Уже постройка железной дороги потребовала увеличения лесопильных установок для различных строительных работ, а затем общее оживление края и развитие вывоза леса на запад утвердили успехи промышленности лесопильной. Горное дело сделало особенные успехи: был открыт целый ряд месторождений каменного угля (разрабатывались Коркинские, Черногорские, Калягинские, Изыхские копи), графита, азбеста, слюды, гранита и т. д., железной и медной руды и разработка медной руды пошла уже вполне успешно и стала давать до 30000 п. меди литой в год.

Но особые успехи достигнуты были в пропавшем как будто золотом деле. После того как промывка золота старыми способами привела к истощению наиболее богатых россыпей, добыча золота все время с 80 годов падала и дошла наконец всего до 66 п. в год (1906 г.). С постройкою дороги в крае явились новые предприниматели и при помощи железной дороги оказались в состоянии начинать разработку путем применения драг. Дело пошло настолько успешно, что прииска, считавшиеся уже выработанными или безнадежно бедными, пошли в эксплоатацию и стали давать доход и Енисейская губерния по числу драг заняла первое место в России. Одновременно приступили и к разработке месторождений золотой руды и добыча золота, все время возрастающая, дошла в какие нибудь 9 лет до 219 п., при больших перспективах в будущем.

Слабее дело стояло с промышленностью обрабатывающей. До проведения дороги всякого рода предприятия были здесь немногочисленны и оборудование довольно слабо, не исключая и винокуренной промышленности, основной в крае. Дорога открыла ход продуктам промышленности московской и польского района, с которыми местным производителям, преимущественно кустарям, трудно было конкурировать. Однако все же понемногу, по мере накопления местных капиталов и притока капитала из других областей, стала складываться и промышленность местная, хотя и расчитанная преимущественно на удовлетворение элементарных потребностей или нужд далеких от дороги районов. Только война 1914 г., а за тем война гражданская и вызванный ею разрыв сношений с московским и польским рынками дали возможность создаться по местному крупным предприятиям, в

области кожевенного, суконного (в Красноярске) и машиностроительного дела, но и то на короткое время и в небольших размерах.

Во всяком случае однако против прошлого достигнуты были большие успехи и край во многом изменил свою физиономию. Преобладание сельского х-ва в общем строе экономической жизни сохранилось, но уже с значительными переменами и в Канском уезде создался новый и важный земледельческий район с несомненным товарным уклоном, да и весь край в больших размерах стал вывозить продукты своего крестьянского х-ва, преимущественно в необработанном виде. Усилились связи между отдельными районами края, и в лице многочисленных образовавшихся вновь поселений городского или полугородского типа образовался значительный рынок потребления для местных продуктов и приобрел большое значение губернского распределительного центра г. Красноярск, успевший за 20 лет увеличить в 4 раза свое население. Пароходство по Енисею заметно развивалось и уже был поставлен на очередь вопрос о новых железнодорожных линиях, из которых Ачинск-Минусинская и начата была постройкой. В это же время много внимания было посвящено и Северному морскому пути в устья Оби и Енисея и после целого ряда плаваний русских и иностранных судов до Енисейского залива, на о. Диксона и по берегам Ледовит. океана построены радиостанции, позволившие проходить этот путь почти регулярно и в очень короткое время и с меньшими чем ранее расходами. Правда товарооборот по этому пути не превышает 260 тыс. пуд. и не требует больше одного морского парохода. Это объясняется тем, что Енисейский край и смежные с ним на востоке области настолько еще мало населены и настолько удалены в своих „жилых“ районах от океана, что и привоз большего количества товаров северным морским путем и провоз их по Енисею вверх встречаются с непреодолимыми затруднениями экономического (не технического) характера, (см. № 25 „Библиотеки Краеведа“).

Улучшились и другие пути сообщения и внутри края, так как для нужд колонизуемых таежных районов Переселенческое управление построило до 3000 в. улучшенных проселочных дорог.

Таким образом южные округа края сделали громадные шаги вперед и вошли в постоянные экономические связи с другими районами страны. В стороне оставались Енисейский уезд и Туруханский север, ввиду их удаленности от оплодотворяющей край железной дороги и суровости их жизненной обстановки, но постепенно и в Енисейский уезд начали вдвигаться переселенческие группы и в южной половине его водворилось до 3000 семей в 1896—1915 г.

В особом положении находились южные туземные группы. Под влиянием колонизации Мелецкие татары совершенно подчинились русскому влиянию, приняли русский язык и слились как по образу жизни, так и по занятием с соседним русским населением. Подобная же ассимиляция происходила и на юге Канского уезда, где проживают уже последние остатки камасинцев и котов, древних обитателей области р. Кана.

Иную эволюцию пережили татары южной степной полосы. Отступивши под напором жаждущего земли русского переселенца на

плодородных окраинах своей области, они с одной стороны испытали еще большее, чем ранее, земельное стеснение и должны были ускорить переход к новым способам хозяйствования и в частности переход к земледелию и оседлому быту и там, где этого не было сделано ранее, вырабатывая новые приемы земледелия, согласованные с природою их области (орошение, оставление до жнива весны для борьбы с выдуванием пашни и т. д., см. Богданов. Инеродческое земледелие на юге Енис. губернии).

А с другой стороны и скотоводческое хозяйство их, там, где оно сохранилось по природным условиям в полной силе, пережило серьезную эволюцию, усилив под влиянием все растущего губернского рынка разведение крупного рогатого скота для продажи на мясо преимущественно, но отчасти и для выработки молочных продуктов. И эти хозяйствственные успехи и в земледелии, и в скотоводстве позволили хакасским группам избежать вымирания и несмотря на продолжающуюся ассимиляцию с русскими на границах их области, возрастать в числе (например с 1890 г. по 1910 г. на 31.2%*), а вместе с этим развивалось и их национальное самосознание и стремление к культурному развитию:

Развивалась и северная Туруханская группа. Все последние работы по нашему Северу считают вымирание туземцев по крайней мере недоказанным. „Более того есть основания думать об естественном при росте среди некоторых туземцев, как например тунгусов и долган“ (А. Я. Тугаринов) и только на окраинах туземных поселений можно было говорить о подчинении туземцев влиянию более сильной народности (русских или якутов) и о потере ими своих отличительных национальных и бытовых признаков. Впрочем при малом развитии Туруханского края за данный период, вообще мало изменился и быт туруханских туземцев.

Таким образом в общем за данные 20 лет весь край экономически развивался и сделал громадные успехи. Конечно, революция и гражданская война, с внесенными ею потрясениями народно - хозяйственного организма, сказались отрицательно на развитии хозяйства края, но с 1922 г. идет быстрая восстановительная работа и площадь посевов в 1926 г. уже дошла до довоенной, скотоводство также и т. д., только горнодобывающая и обрабатывающая промышленность пока еще стоит на распутьи, не имея средств обновить устаревшее оборудование.

Общественные отношения. Под влиянием изменения экономических условий сменялись и общественные отношения. Усиление связи с русским и мировым рынком привело к усилению неземледельческих групп и процент городского населения все время повышался даже несмотря на быстрый рост колонизации чисто земледельческого характера. Постройка железной дороги имела результатом появление в крае крупной группы промышленного пролетариата, при чем в Красноярске число одних железнодорожных рабочих одно время достигало 5000, а рост промышленности содействовал и дальнейшему росту рабочих групп, которым и принадлежала руководящая роль в революционном движении.

*) Козьмин. К вопросу о вымирании туземцев (Сиб. Записки 1916 г. № 2).

С другой стороны быстро усилился и приступил к своей организации, хотя и не успел оформить ее, и слой торжественно-промышленной буржуазии, и Енисейский край по своему общественному строю стал приближаться к общерусскому типу.

Новый период начинается с Октябрьской революции. Уничтожив экономическую мощь буржуазии и лишив значения чиновничество, Революция выдвинула на первое место трудовые классы и привела к значительному упрощению общественного состава как в городе, так и в деревне. Правда с появлением нэп'я товарообмен и свобода торговли в нашем крае, как и в других местах привели к появлению капиталистов и капиталистических отношений, но, как в свое время указывал Ленин (Сочинения т. XVIII, 242) „Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы лишь в меру допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения“. Действительно, мы видим, что в условиях учета и контроля со стороны государства гос. и хоз. строительство осуществляется через самих трудящихся, вовлеченных в советские, общественные и профессиональные организации. Поэтому роль капит. элементов при нэп'е все более сокращается.

Культурная жизнь. Успехи культурные вполне соответствовали общему росту края и даже были еще более крупными. На первом месте, конечно, поставим успехи народного образования. Прогресс был очень быстрым.

В 1893 г.	было в губернии нач. школ 201 с	6121 учащ.
“ 1910 ”	” ” ” ” 599 ” 33331 ”	
” 1914 ”	” ” ” ” 814 ” 43835 ” *)	

Быстро развивалась и школа средняя. Если в 1895 г. во всей губернии было только 9 средних учебных заведений, с 1103 учащимися, преимущественно сосредоточенных в Красноярске, и на остальные города оставалась одна только мужская прогимназия и 4 женских прогимназии или неполные гимназии и ни одной средней школы в деревне, то в 1917 г. средние школы появились уже во всех городах и мужские и женские, а частью и в селах (Каратуз, Рыбная и др.) и общее число школ возросло до 34 и учащихся до 6000 чел. Слабее развивалось образование профессиональное, а дело внешкольного просвещения почти целиком было предоставлено частной инициативе. Поэтому больших успехов вообще в области просвещения достиг один Красноярск, фактически осуществивший общедоступность обучения в низшей и средней школе, а другие местности края отставали от него далеко.

1920 года положил конец развитию буржуазной школы и поставил на ее место совершенно новый тип школы социального воспитания „единую трудовую советскую школу“, обратив особое внимание на профессиональное обучение и на воспитание дошкольников. Ранее в области дошкольного воспитания и внешкольного, если что

*) Ст. Обзоры Енис. губ. за 1910 и 1914 г.

и делалось, то без всякой системы и усилиями отдельных лиц или организаций. Советская власть обратила на эту сторону народного образования усиленное внимание и край покрылся целой сетью детчагов, яслей, детдомов, ликпунктов, клубов и т. п. По данным Сибстата на 1 января 1926 г. было в крае 81786 учащихся (в городах 14227) при числе школ 1-й ст. 1087, 2-й ст. 40 и ШКМ 11, детдомов и коммун 21. Из местных музеев особенно увеличился и обогатился новыми коллекциями Красноярский, в начале 1920 года преобразованный в Музей Приенисейского края и располагающий значительным кадром научных работников.

Проводилась культурная работа и различными общественными организациями. Действовавшие до проведения дороги довольно многочисленные общества продолжали существовать и в дальнейшем, хотя и не всегда с большою силой. Возможно даже сказать, что умножение городского населения пришлыми людьми ослабило деятельность некоторых старых обществ, как драматическое и любителей музыки и литературы в Красноярске, и это ослабление только отчасти возмещалось появлением новых о-в, как Красноярский под'отдел Русского Географического Общества, Вост.-Сибирское общество сельского хозяйства промышленности и торговли. К особенностям нового времени следует отнести появление с 1902 г. профорганизаций, первою из которых был союз приказчиков, о-во взаимопомощи учащих и учащихся Енисейской губернии, причем уже вскоре после своего возникновения профорганизации оказываются в заметном и все более резком антагонизме с местной властью.

1920 г. внес в этом отношении резкую перемену. Громадное большинство прежних обществ прекратило свое существование и только наиболее жизнеспособные, как Общество Врачей и Географическое общество в Красноярске продолжают свою научную деятельность. Напротив профорганизации именно теперь раскидывают свои отделения по всей губернии и достигают неслыханной ранее цифры членов.

Наконец развитие печати также пережило ряд перемен. Начиная с 1905 г. органы печати появляются и в уездных городах, а в Красноярске с 1905 г. их выходит одновременно даже несколько в соответствии с разделением общества на партии и даже появляются издания сатирического характера „Фонарь“ и др. Реакция следующих лет задержала развитие печати, но все же газета становится ежедневной, с 1912 года начинают выходить уже две газеты, даже не считая крайне правого „Сусанина“, издававшегося в 1908—1915 г.г. местным союзом русского народа. С 1914 г. появляются уже местные журналы: в Минусинске Сиб. Архив, переведенный в 1916 году в Иркутск, давший много ценных материалов по истории Сибири, с 1916 г. в Красноярске Сибирские Записки, литературно-научный и публицистический журнал, с 1915 г. Сибирская Школа, педагогический журнал, с 1917 г. стал выходить Енисейский учитель и т. д.

1917 г. дал дорогу свободному отражению мысли, и в губернии возникает целый ряд ежедневных изданий, принадлежавших различным партиям от большевиков до к.-д. Режим Колчака ввел вновь цензуру и административные преследования, а с 1920 г. издание газет и журналов в губернии целиком переходит в руки местной власти

и партии и тираж газеты „Красноярский Рабочий“ доходит до рекордной цифры 10000 экземпляров.

Издательство разного рода книг и брошюр почему то всегда в губернии прививалось плохо и местные издания всегда появлялись более или менее нерегулярно. Исключение составляли О-во Врачей, Географическое о-во и Минусинский музей, давшие много ценных изданий за время своего существования. В этом отношении новый период изменений не внес и Приенисейский край по своей печатной деятельности все время отстает и от западных своих, и от восточных соседей, особенно от Иркутска.

Заключение. На этом мы заканчиваем наш краткий обзор истории Приенисейского края. Откровенно признаем, что в нашем изложении многое оставлено без рассмотрения или только задето или намечено, но сделать больше и подробно изложить все богатое содержание нашей истории на 3—4 печатных листах трудно.

Нам ставилось в вину одним рецензентом отсутствие ссылок на пособия, которыми мы пользовались, особенно в спорных местах. Не можем согласиться с этим. В изданиях специальных это необходимо и важно, здесь мы были до крайности стеснены местом, да и популярный характер книжки не допускал разбора спорных теорий, при которых одна ссылка на литературу все равно не достаточна.

Скажем только: наш край не имел пособий по своей истории, если не считать „Енисейской губернии“ Н. В. Латкина, которой давно уже нет в продаже. Наша работа—первая попытка систематического изложения прошлого края. Пусть критика укажет ее недостатки, пусть другие сделают лучше, мы сделали что могли, чтобы население края, особенно молодежь, могло знать прошлое своей страны.

